

З Н А К И С У Д Ь Б Ы

Татьяна Корсакова

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!
Читай внутри условия акции-2011!

Знаки судьбы

Татьяна Корсакова

Третий ключ

«Автор»

2011

Корсакова Т. В.

Третий ключ / Т. В. Корсакова — «Автор», 2011 — (Знаки судьбы)

Тихий пруд в старом имении скрывает в своей глубине страшную тайну. Там уже пятнадцать лет покоится механическая статуя, которую местные жители с уважением и боязнью называют Спящей дамой. В былые времена, когда Спящая дама еще стояла в саду, у ее ног находили убитых девушек. И вот статуя снова поднята на поверхность, а кто-то ищет ключи, чтобы ее завести. В прошлый раз Аглае чудом удалось выжить, но теперь ей снова грозит опасность. Прежняя любовь и старые страхи воскресли. Неужели история повторяется? А темная гладь пруда тиха и так спокойна, как бывает это только перед великой бурей.

© Корсакова Т. В., 2011

© Автор, 2011

Татьяна Корсакова

Третий ключ

Родителям с любовью и благодарностью

Смородиновый сок стекал по пальцам липкими ручейками, вслед за крупными, сортовыми ягодами падал в пятилитровое ведро, которое стараниями Аглаи было заполнено уже наполовину. Аглая сунула в рот уже бог весть какую по счету ягоду, тыльной стороной ладони утерла со лба пот и почти с ненавистью посмотрела на ведро. Цивилизации рушатся, города и народы уходят в небытие, а баба Маня не меняется. И неважно ей, что внучка нынче не босоногая, голенастая Глашка десяти годков от роду, а успешная и даже весьма известная журналистка Аглая Ветрова тридцати двух цветущих лет. Сказано до обеда обождать куст красной смородины, и попробуй только послушаться.

Аглая уже и не помнила, что бывает, если послушаться бабу Маню. Память подсовывала какие-то размытые, на первый взгляд совсем не страшные воспоминания в виде сорванной тут же, в маленьком огороде, розги или в виде мокрого льняного полотенца, которыми баба Маня грозила отлупить внучку за непослушание, но вот припомнить, чтобы эти атрибуты деревенского воспитания хоть раз пошли в дело, никак не получалось. По всему выходило, что воспитывали Глашку больше словом, чем делом. И это только в детстве казалось, что воспитывали излишне строго, что многого не позволяли и ко многому принуждали. Что ни говори, а дети – эгоистичные существа...

Носком сандалии Аглая отпихнула ведро, поправила сползший на самые глаза ситцевый платок, из заднего кармана джинсов достала пачку сигарет и закурила, разглядывая развешенные для просушки на заборе полосатые самодельные половички. А хорошо, что она решила уехать! И правильно сделала, что махнула не на оскмину уже набившие заграничные курорты, а к бабушке. Здесь, в деревне под названием Антоновка, даже воздух пах по-особенному: еще не вызревшими, но уже наливающимися соком яблоками, перезрелой и от малейшего движения норовящей просыпаться рубиновым дождем смородиной, парным молоком и свежескошенным сеном и еще сотней почти забытых, но затрагивающих самые глубокие струны души ароматов.

И не найдет ее никто в этой вроде бы и не такой уж глухой – от столицы всего-то триста километров, – но в то же время еще не задохнувшейся в тисках цивилизации деревеньке. Не найдет, потому что никому и в голову не придет искать королеву глянца, светскую львицу и первейшую столичную стерву Аглаю Ветрову под кустом смородины в обнимку с пластмассовым ведром. Ей место где-нибудь в Париже или, на худой конец, в Милане, но никак не здесь, в этом всеми позабытом райском уголке. Значит, есть у нее фора. Значит, можно пару недель побыть самой собой, не опасаясь потерять лицо, не вглядываясь в чужие, опротивевшие донельзя, сплошь знаменитые и сплошь успешные лица, не ожидая на каждом шагу подлянки от коллег по творческому цеху и голодной до всякого рода сенсаций журналистской братии. Хватит с нее того, что однажды она уже потеряла лицо, не смогла сдержать эмоций, уронила маску невозмутимой стервозности на каменные плиты Рудого замка, повела себя как деревенская баба, – не просто расплакалась на публике, а кажется, даже причитала и кликушничала.

От воспоминаний, до сих пор острых и болезненных, рука дрогнула, стряхивая на грядку с помидорами столбик сизого пепла. Это только те, другие, друзья, коллеги, конкуренты, думали, что Паркер для нее всего лишь игрушка, этакий дополнительный способ заявить о своей принадлежности к богеме, пустить звездную пыль в глаза. Ну, конечно, псина размером с недокормленную кошку, постриженная по последней собачьей моде, упакованная в комбинезончик, сравнимый по цене с одежками самой хозяйки! Ну, это ж модно сейчас, чтобы шавка

мелкая под мышкой или в дамской сумочке, еще один штрих к образу успешной и избалованной жизнью! А того никто не знает, что Паркеру шел уже шестнадцатый год, что появился он в жизни Аглаи задолго до того, как возникла эта самая мода на собачек, и что комбинезончик в его преклонном возрасте – это никакие не понты, а обыкновенная забота о вечно мерзнувшем, уже не слишком здоровом друге. А что недешевый, так она в своем праве! На кого ей еще тратить заработанные потом, кровью, злословием и стервозностью деньги? На Паркера и бабу Маню! И то, что Паркера Аглая брала с собой даже в дальние командировки, объяснялось просто: боялась доверить заботу о единственном друге чужому человеку, как могла, старалась продлить недолгий собачий век.

Не продлила... Этот мерзкий тип, секретарь Закревского, сказал, что на Паркера напали сторожевые псы, те самые, что должны были охранять треклятый замок от волков, обещал разобраться. При этом улыбался он так искренне и одновременно так мерзко, что Аглае, сжимающей в объятиях растерзанное, окровавленное тельце Паркера, самой хотелось вгрызться в чье-нибудь горло. Кровь за кровь...

Она уже тогда решила, что напишет о хозяевах этого жуткого карпатского замка совсем не то, за что ей обещана весьма внушительная сумма, а чистую правду и, возможно, даже погрешит против правды, выдаст что-нибудь этакое в своей убийственно-язвительной манере. И написала бы! Написала бы разгромную статью про уродливые потуги олигарха-самодура добавить свадьбе единственного внука средневекового антуража, про кровавые картинки на церковных витражах и непрерывный волчий вой вместо ангельских песнопений, про то, что молодожены не выглядели счастливыми ни секунды, а замок, казалось, выпивал из обитателей силы и разум. Написала бы, да только события неожиданно перешли из разряда светских в разряд криминальных, а гости из участников торжества сделались свидетелями страшного преступления. Тут уже не до злословия и мелкой журналистской мести, тут бы собственную шкуру уберечь. Шкуру, а еще нервы, изрядно потрепанные следователем, которому не было никакого дела ни до угроз, ни до высокого социального статуса гостей-свидетелей.

Аглая думала, что стоит только вырваться из этой липкой паутины средневековых тайн на волю, окунуться в мутные, но стремительные волны московской жизни, как все наладится, и так больно уже не будет, и по ночам не придется вздрагивать, когда рука вместо привычного горячего бока Паркера коснется равнодушной прохлады шелковых простыней.

Ошибалась. Дома стало еще хуже. Не спасала даже работа. Любимый журнал, детище всей ее жизни, не возвращал оптимизма и радости. Наоборот, с каждым днем становилось все муторнее и муторнее, пока Аглая наконец не решилась на побег...

– ...Глашка! Да что ж ты делаешь, окаянная?! – Сердитый голос бабы Мани отвлек Аглаю от нерадостных воспоминаний.

– Все, бабуля, перекур! – Она по въевшейся в кровь подростковой привычке спрятала руку с сигаретой за спину.

– Я тебе дам перекур! – баба Маня погрозила выпачканным в муке кулаком. – И без того вон зеленая да худющая, что та вобла, так еще и курить удумала! Бросай! Бросай, кому говорю?!

– Брошу, – привычно соврала Аглая, загасила недокуренную сигарету, бычок завернула в фантик от конфеты, сунула в карман. Проще было бы выбросить здесь же, на огороде, но тогда баба Маня заругается еще сильнее, а у нее сердце слабое, ей расстраиваться нельзя. – Бабуля, может, ну ее, эту смородину? – спросила без особой, впрочем, надежды. – Полведра вон насобирала.

– Да как же можно? – Баба Маня неодобрительно следила за Аглаиными манипуляциями с бычком, и было совершенно непонятно, что раздражает ее больше: сигареты или внучкина попытка увильнуть от работы. – Что ж, прикажешь ягодам пропадать?

– А куда их столько? – Аглая еще сопротивлялась, но вяло, понимала, что, пока не додумает этот несчастный смородиновый куст, покоя ей не видать. В лучшем случае баба Маня будет ворчать до самого ужина, а в худшем примется убирать ягоды сама, а у нее ж сердце...

– Это ты сейчас не знаешь куда, а вот зимой вспомнишь! Где ты там в своей Москве варенье из смородинки найдешь?!

Сказать по правде, привезенное от бабушки варенье Аглая никогда сама не ела, раздавала друзьям и сослуживцам. Видать, в детстве перекушала, потому и была равнодушна к таким вот деревенским деликатесам. Зато соленья, хрусткие бочковые огурчики и сладчайшие, по особенному рецепту маринованные помидоры готова была есть трехлитровыми банками и каждое лето порывалась поассистировать бабе Мане на кухне, постичь тайны закаток-маринадов, но намерения так и оставались только намерениями, в бурной Аглаиной жизни места деревушке с яблочным названием Антоновка оставалось все меньше и меньше. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Вдруг на этот раз что получится...

– Бабуль, может, киселек сваришь? – Аглая попыталась увести разговор в более безопасное русло.

– Так сварю! – Баба Маня, для которой не было большего счастья, чем наблюдать, как любимое дитяtko за обе щеки наворачивает ее нехитрые угощения, расплылась в довольной улыбке. – А вареничков? Вареничков из вишни хочешь?

Вареничков Аглая хотела. Варенички с домашней сметанкой, присыпанные сахаром, она любила с детства, и даже процесс извлечения из ягод косточек ее не раздражал, а скорее успокаивал.

– Хочу! – Осторожно, стараясь не испачкать цветастую ситцевую блузку смородиновым соком, Аглая обняла бабушку за плечи, поцеловала в морщинистую щеку. – И вареничков, и киселька, и картошечки с укропчиком.

– Фу, ты! Воняет от тебя сигарками, как от нашего председателя! – Баба Маня слегка отстранилась, но было видно, что все эти «телячьи нежности» ей до ужаса приятны. – Так он же мужик, а ты, Глашка, девка! Вот как захочет тебя кто поцеловать, а от тебя, прости господи, табаком за версту несет!

– Да кто ж меня такую захочет поцеловать?! – Аглая похлопала себя по тощим боками. – Где тот принц, что на белом коне? – Она завертела головой, точно и в самом деле пыталась среди кустов смородины и вымахавшей в человеческий рост кукурузы разглядеть принца.

– Тут, может, и нет, а вот в поместье скоро каких хочешь принцев можно будет сыскать. – Баба Маня покачала головой.

– В поместье? – Кончики пальцев закололо, и Аглая скорее удивилась, чем испугалась этого давно забытого чувства. – А что делать принцам в старом поместье?

– Сразу видно, что давно ты сюда не заглядывала. Нашелся на графский дом хозяин. Сама я туда не ходила, но Семеновна говорит, дом теперь и не узнать: все чистенькое, новенькое, прямо дворец. Старый парк до ума довели, пруд собираются почистить, дорожки проложить – красота.

– И кто ж в теремочке живет? – Забыв о данном бабе Мане обещании, Аглая выбила из пачки сигарету, рассеянно повертела в руках, но так и не закурила. – Чье теперь поместье-то?

– Так говорят, что Михаила Свириденко. Ты должна его помнить, вы ж с ним кажись... – баба Маня не договорила, смущенно замолчала.

– Бабуль, мы с ним не кажись, – Аглая тряхнула головой, – мы с ним были знакомы сто лет назад, так давно, что я уже и забыла, как он выглядит.

Сказала и ведь почти не солгала. Что было, то быльем поросло. То лето осталось в памяти жуткой, просто убийственной жарой, обрывочными картинками, размытыми лицами и еще чем-то мутным, душным, таким, что и вспоминать страшно. Аглая и не вспоминала, позволила себе роскошь забвения. Получилось не сразу, но в конце концов ей это удалось. И вот сей-

час похороненные под толстым слоем ярких впечатлений и памятных дат воспоминания снова грозились просочиться в ее жизнь, нарушить размеренное полурастительное существование.

* * *

– Уволю! К чертям собачьим уволю! – Люся обмахнулась невесть откуда взявшимся на ее рабочем столе журналом «Здравоохранение», вперила грозный взгляд в мнущегося на пороге ремонтника. – Я тебе еще два дня назад сказала, что у меня в кабинете кондиционер сломался! Два дня! А ты что?

– Так, Людмила Аркадьевна, во втором люксе тоже кондиционер того... – промямлил ремонтник.

– Что – того?

Люся отшвырнула журнал, побарабанила выкрашенными в ярко-алый, в тон помаде, цвет ногтями по прозрачной столешнице. Этот стеклянный стол на сияющих хромом ножках она увидела лет пять назад в каком-то модном журнале и с тех самых пор решила, что, доведись ей стать большим боссом, стол она себе непременно прикупит точно такой же. И вот пожалуйста: и она – большой босс, и стол у нее дизайнерский, стеклянный, а счастья как не было, так и нет. Кто ж думал, что это такая непрактичная вещь?! Что заляпывается он мгновенно и все свое хрустальное сияние утрачивает уже на втором часу эксплуатации?! Что ей, Людмиле Аркадьевне Свириденко, вместо того чтобы решать насущные и куда более важные задачи, приходится полдня полировать свое рабочее место, чтобы было красиво, гламурно и пафосно?!

– Так сломался кондиционер во втором люксе, – пробубнил ремонтник.

– Значит, сломался? – Люся недобро сощурилась. – А я, значит, узнаю об этом только сегодня? Хоть починили? – спросила она уже другим, чуть более спокойным тоном. Что толку орать на этих олухов? Только нервы рвать. А нервы ей еще ого как пригодятся.

– Так не починили.

– А почему?

– Так на гарантии еще кондиционеры-то. Вот ждем, когда из города наладчики приедут.

– А у самого-то, что, руки не из того места растут? – Как ни пыталась Люся сохранять терпение, а все ж таки стремительно выходила из себя.

– Почему не из того? – обиделся ремонтник. – Очень даже из того, только вы ж, Людмила Аркадьевна, сами запретили трогать то, что на гарантии.

Запретила! Потому что ванну для подводного массажа эти кретины уже потрогали, так потрогали, что никакая гарантия не спасла, пришлось новую покупать. А стоит она, между прочим, побольше, чем кондиционер. Эх, за что ж ей такое наказание? Отчего ж кругом одни идиоты? Это еще повезло, что удалось в завхозы Василия Степаныча сманить. Без его помощи она бы хрен что в этом чертовом поместье сделала. Да и руки у мужика золотые, вон какую роскошную входную дверь вырезал! Не дверь, а целые дубовые ворота!

Хорошо Свириду, отвалил денег, дал ценные указания и свинтил в свою Москву, а она тут корячась за всех, ругайся со строителями, с наладчиками, персонал подбирай, да не лишь бы какой, а чтобы соответствовал самым строгим требованиям. За шеф-поваром вон пришлось в область ездить, уговаривать, сманивать запредельной зарплатой и шикарными условиями работы. И поехала, потому как знающие люди сказали, что на кухне Сандро – царь и бог, что равных ему не найти.

Сманила, но чего ей это стоило! Сандро, может, и повар от бога, но до чего ж у него характер скверный! «Вай, что это за плита такая?! Дорогая Люси, кто может за такой плитой работать? Сандро не может, Сандро к другой плите привык! Вай, кто тебя просил посуду покупать?! Это не та посуда! Уйди, женщина, Сандро думать будет, как тебя спасать!» Вот так! И все громко, с криками, с жестикуляцией, с мимикой такой, что хоть сейчас в кино на харак-

терные роли. А сам-то – высокий, худой, лысый! Носяра на пол-лица, руки, как грабли. И все туда же – кулинарный гений, профессор кислых щей.

Ладно, этот хоть орет, но свою работу знает, а вот что делать с жопорукими медтехниками, которые ведать не ведают, с какого бока к забугорной аппаратуре подойти? Они, видишь ли, к отечественным аппаратам приучены, а буржуйские им в диковинку.

Единственные, с кем у Люси разговор был коротким, но конструктивным, это люди из obsługi: горничные, посудомойки, санитарки. Их она набрала из местных за деньги, смешные для Москвы, но запредельные для здешней глуши. Эти слушались безоговорочно, в рот заглядывали и работали не на страх, а на совесть, потому как Люся для них была и царь, и бог, и мать родная.

А Свирид взял на себя медперсонал. В этом деле он Люсе не доверял, да ей не больно и хотелось, и без того геморроя хватало. Пусть и он чем-нибудь озаботится. Тем более что специализации, категории, дипломы и стажировки – это как раз по его медицинской части.

Отвлечшись на тяжкие думы, Люся не сразу заметила, что ремонтник, успокоенный долгим и с виду мирным молчанием хозяйки, просочился в кабинет, уселся в кресло для посетителей и от нечего делать лапает край ее стеклянного, только что до зеркального блеска надраенного стола.

– Чего расселся? – рявкнула она. Получилось громко и устрашающе, потому что орать Люся умела и любила, и даже почти пятнадцать лет столичной жизни не выбили из нее эту маленькую, временами досадную слабость. – Вон пошел! Хотя стоп, подожди! – Она взмахнула рукой. – Иди к Степанычу, он тебе работу на лодочной станции найдет, будешь лодки красить, если ни на что другое не годишься.

Как только ремонтник исчез с глаз долой, Люся достала из сумочки носовой платок и принялась полировать заляпанный стол, будь он неладен вместе с дизайнером, его придумавшим!

Дверь распахнулась без стука, Люся едва успела спрятать платок. Так бесцеремонно, как к себе домой, к ней в кабинет вваливался только один человек – Сандро. Даже Свирид, который по большому гамбургскому счету был здесь полновластным хозяином, и тот непременно стучался, а этому носатому закон не писан.

– Вай, как жарко у тебя, дорогая! Прямо как у меня на кухне! – не дожидаясь дозволения, он настежь распахнул окно, поставил на стол перед Люсей дымящуюся чашку кофе.

Кофе Сандро варил исключительно вкусный. Собственно говоря, благодаря этому факту заядлая кофеманка Люся и терпела подобную фамильярность. Но сегодня настроение у нее было не то, сегодня хотелось орать и бить посуду.

– Зачем кофе?! Сам же говоришь, что жарко! – Она плюхнулась обратно в кресло, забросила ногу за ногу. Не без злого умысла, надо сказать, забросила. Ноги у нее были красивые, в меру длинные, в меру стройные, несмотря на жару, затянутые в тончайшие чулочки. Вот и стеклянный стол пригодился, потому как сквозь него все замечательным образом видно, даже кружевная резинка, кокетливо выглядывающая из-под словно невзначай задравшегося подола платья.

Прежде чем ответить, Сандро сглотнул, жадно сверкнул сливовым своим глазом. Вот и пусть плочает и сверкает, это у себя на кухне он хозяин, а здесь – ее территория.

– Так зачем же здесь, дорогая моя Люси? – Он всегда, с первого дня знакомства, называл ее либо дорогой, либо этой дурацкой Люси. – А не сходить ли нам на природу, к пруду?

Люся хотела уже сказать, что недосуг ей на природу ходить, что у нее еще дел полным-полно, но неожиданно для самой себя согласилась, грациозно выпорхнула из-за стола, одернула подол платья, чем вызвала грустный вздох Сандро, и направилась к выходу из кабинета.

Дневник графа Полонского 10 июля 1913 года

Оленька умерла на рассвете. Я точно знаю, что на рассвете: ночью слышал скрип половиц в ее комнате, слышал и мучился, все порывался зайти, упасть на колени, вымолить прощения. Я не зашел, а она умерла. И жизнь моя нынче ничего не значит, потому что без Оленьки и нет вовсе никакой жизни – тьма кромешина...

Я – старик, шестой десяток разменял, мне бы умереть, а не ей, любимой, ненаглядной моей девочке. Ведь девочка и есть! Всего-то двадцать пятый год шел, через три дня должны были именины справлять. Я и платье модное, такое, как она хотела, из столицы выписал, и дом к приему гостей подготовил, парк задумал фонариками разноцветными расцветить, чтобы как в сказке все было. А Оленька, жена любимая, хохотушка-веселушка, умерла. Еще ночью половицы скрипели, а на рассвете, когда только-только веки смежил, закричала не своим голосом Парашка, ворвалась без стука, упала у порога на колени, завывала так, что слов не разобрать: «Не дышит барыня-то! Я к ней, как велено, ранехонько, с петухами, а она лежит поперек кровати, разметалась... Померла! Ой, Господи, померла наша Ольга Матвеевна!»

Я не поверил: ни Парашке, ни сердцу своему, которое вдруг заныло, затрепыхалось в груди. Баба пустоголовая, деревенская, навывдумывала глупостей! Оттолкнул Парашку, кинулся в Оленькину комнату...

...Лицо красивое, античное, чеканный профиль, ресницы пушистые на щеки, ямочка на подбородке – нет, не умерла моя Оленька, просто уснула крепко. Вот сейчас я ее поцелую, шепну на ухо, как люблю ее сильно, попрошу прощения, и проснется моя спящая красавица...

Губы холодные, щеки холодные, руки по-покойнически на груди скрещены. На левом запястье, с внутренней стороны, родинка, там, где пульс и горячее биение жизни. Сколько раз я целовал эту родинку, трепетно, несмело прикасался губами к тоненькой жилке! Прикоснулся и на сей раз, хотя уже знал, сердцем чувствовал – нет больше Оленьки на этом свете. Обиделась, бросила меня, дурака старого, и душу мою с собой забрала.

Не помню, что дальше было. Лица чередой, шелест слов, раздражающие прикосновения, во рту что-то горькое, а в сердце – выжженная дыра. Слаб я оказался, недостойн любви своей ненаглядной Оленьки, ни отпустить ее не сумел, ни проводить...

Мария, кузина, приехала в тот же день, сразу вслед за Ильей Егоровичем, тем самым, что сначала Оленьке моей помог на этот свет появиться, потом двойняшек наших, Настеньку и Лизоньку, принимал, а сейчас вот, больно сказать, стал посредником между бытием и небытием.

Наверное, если бы не они, я пропал бы. Может, руки на себя наложил бы, а может, сам от сердечного приступа помер. Близок я был к тому порогу, что отделял меня от любимой жены, как никогда близок. Но не позволили! Мария, дважды вдовая, единственного ребенка еще в юности потерявшая, а поди ж ты, счастливая, за жизнь свою одинокую цепляющаяся неистово, не дозволила, все на свои плечи взвалила: и дом, и Настеньку с Лизонькой, и заботы о погребении. А я только и мог, что у гроба сидеть, держать жену за руку, всматриваться в любимые черты в тщетной попытке найти ответы на бесчисленные «почему?» и «за что?».

* * *

Вопреки ожиданиям, к самому пруду Сандро ее не повел, увлек в ажурную, точно из кружев сделанную беседку на берегу, придержал под локоток, помогая с максимальным комфортом усесться на каменной скамеечке, чашку с уже, наверное, остывшим кофе аккуратно поставил рядом. Сам он остался стоять, то ли случайно, то ли намеренно заслоняя Люсю от про-

бывающихся сквозь ветви старой липы нестерпимо ярких солнечных лучей. Теперь он смотрел на нее сверху вниз, и от этого Люся, сама привыкшая посматривать на всех свысока, чувствовала себя не в своей тарелке. Чтобы не паять на отполированную до сияющего блеска пряжку на брюках Сандро, она отвернулась к пруду, делая вид, что наблюдает за тем, что творится на лодочной станции.

Сказать по правде, Люся считала идею Свирида, который вознамерился очистить дно старого пруда от столетиями копившегося там хлама, пустой тратой денег. На ее практичный взгляд, внешне графский пруд и без очистки выглядел очень даже ничего, ряской и прочей водной гадостью не затягивался, прозрачность и глубину имел весьма приличную, а для особо романтичных клиентов-пациентов в начале лета расцветал кувшинками и лилиями, которые запросто можно было собирать с лодки. У пруда имелся даже небольшой песчаный пляжик, так что желающие имели возможность и позагорать, и покупаться. Впрочем, после событий пятнадцатилетней давности никто из местных в пруду не купался, но то ж местные, а приезжим все нипочем. Но Свирид, в некоторых вопросах разумный и даже покладистый, на сей раз проявил настойчивость и велел в кратчайшие сроки привести пруд в надлежащий вид. И даже нанял команду аквалангистов, которые прямо сейчас черными диковинными рыбами ныряли в воду с ярко-голубой моторной лодки.

– Хорошо им, – вздохнул Сандро.

– Да что ж хорошего? – На мгновение Люся отвлеклась от аквалангистов, запрокинула голову, чтобы получше рассмотреть расплывающуюся по смуглому, угловатому и вообще некрасивому лицу визави мечтательную улыбку.

– Я, когда в Гаграх жил, тоже нырял, – пояснил Сандро. – Только не с аквалангом, а так, сам по себе. У нас все ныряли и плавали как дельфины.

Люся на мгновение представила Сандро в образе дельфина и презрительно фыркнула. Тоже еще Ихтиандр выискался!

На пруду тем временем происходило что-то необычное, заставившее сидящего в моторке парня спрыгнуть в воду к товарищу, а потом выскочить обратно и призывно замахать стоящему на лодочной станции Степанычу.

– Нашли! – донесся до Люси его звенящий от возбуждения голос.

– Что нашли? – Степаныч неспешно подошел к краю дощатого настила, смахнул с головы льняную кепку, вытер ею лицо.

– Да хрень какую-то нашли! Здоровую, тяжеленную! Сейчас попробуем достать!

– Пойдем, что ли, посмотрим, что они там за хрень такую нашли. – Люся одним глотком допила остывший кофе, решительно вышла из беседки.

Сандро звать дважды не пришлось, тоже, видать, стало любопытно.

– Люся, а ты что здесь делаешь? – спросил Степаныч, не оборачиваясь, стоило только Люсе ступить на настил.

– А откуда?..

Договорить он ей не дал, предвосхитил вопрос:

– Духами твоими за версту несет.

– За версту несет от твоих архаровцев, когда они зарплату получают, а я благоухаю натуральной Францией, между прочим.

– Благоухаешь. – Степаныч все ж таки обернулся, хитро ухмыльнулся в густые усы, подмигнул Сандро. – Только уж больно сильно благоухаешь, красавица ты моя.

Люся уже хотела разразиться возмущенной тирадой, но Сандро, в обычной жизни едва ли не более вспыльчивый, чем она сама, поспешил загасить пламя разгорающегося конфликта.

– Что там, Степаныч? – спросил он, прикладывая козырьком ко лбу широкую ладонь и сисясь рассмотреть в бликующей на солнце воде хоть что-нибудь.

– А хрен его знает. – Степаныч лениво обмахнулся кепкой. – Аквалангисты нашли что-то.

– Эй, нам бы подсобить! – слышалось со стороны моторки. – Степаныч, у вас тут кто-нибудь плавать хорошо умеет?

– Вот вопросик! – Степаныч в раздражении сплюнул себе под ноги. – Откуда ж мне знать, кто тут у нас плавает хорошо!

– Вай, дорогой, зачем обижаешь? Сандро в воде родился. – Не дожидаясь приглашения, повар сбросил сандалии, через ворот, не расстегивая, стянул рубашку, зыркнул в сторону Люси сливовым своим глазом, покрасовался с секунду, поиграл мускулами и щучкой ушел под воду.

Вынырнул он лишь метрах в семи от настила, фыркнул, что тот жеребец, помахал Люсе рукой. Вот ведь пижон! Можно подумать, ей интересно на него смотреть! Можно подумать, ей вообще есть дело до того, как он красуется, как гребет неспешно, выверенно, толкая поджарое тело все ближе к лодке.

– Красуется, – сказал Степаныч не то осуждающе, не то одобрительно. – Люська, ты глянь, какой мужик хороший. И холостой, я узнавал.

– Был у меня уже один такой хороший, – отмахнулась Люся. – Спасибо, Степаныч, накушалась.

Вот еще глупость какая – обращать внимание на какого-то там повара! Да за ней в Москве мужики табунами ходили! Потому что она не только умница, но еще и красавица, каких поискать. Ну и что, что от природы ее волосы невыразительного мышиного цвета?! Какая женщина сейчас помнит свой натуральный цвет волос? Сейчас она самая что ни на есть натуральная голубоглазая блондинка, с бюстом полноценного четвертого размера, осиной талией и стройными ногами. Мэрилин Монро – вот она кто! А Свирид не оценил... То есть сначала вроде как оценил, а потом ему, понимаешь ли, стало все равно. Ну да бог с ним, со Свиридом, было и было! У нее теперь новая жизнь, она большой босс, управляющая элитным не то санаторием, не то реабилитационным центром. Она теперь о-го-го каких высот достигнет! Что ей какой-то Сандро...

Сандро тем временем уже подплыл к аквалангистам, уцепился мускулистыми руками за край лодки. Совещались они недолго, после короткого спора один из аквалангистов сбросил в воду трос, второй снова нырнул. Сандро тоже нырнул. Не было его так долго, что Люся помимо воли начала волноваться. Мало ли что! Еще потопнет, где ей перед самым открытием центра замену искать?!

Наконец вода возле лодки забурилась, пошла кругами, и на поверхности показалась лысая башка Сандро. Он что-то коротко сказал аквалангисту и снова нырнул. Люсе стало скучно. Мало интереса стоять под палящими лучами и, щурясь от солнца, пытаться рассмотреть хоть что-нибудь. Солнцезащитные очки остались в кабинете, а заработать ранние морщины она совсем не стремилась. Но и уходить с пристани тоже не хотелось, вдруг окажется, что нашли они не какой-нибудь поломанный велик, а что-то на самом деле интересное! Наконец, когда Люсино терпение уже почти лопнуло, моторка медленно направилась к берегу.

– Волоком тащат, – со знанием дела сказал Степаныч. – Что-то тяжелое. Гляди, как лодка наклоняется.

– Да что ж там может быть тяжелого-то? – спросила она раздраженно.

– А вот сейчас и посмотрим.

Находку вытаскивали на берег долго, матерясь и переругиваясь, позвав на подмогу того самого нерадивого ремонтника, подключив Степаныча. Наконец на желтый пляжный песок выползло что-то большое, зеленое, покрытое ослизлыми водорослями, похожее на дохлое чудище.

– Это что еще такое? – шепотом спросила Люся.

– Это? – Степаныч обошел находку со всех сторон, присел на корточки, поскреб пальцем зеленый бок, сказал озадаченно: – А это, Люся, похоже, она и есть.

– Кто – она? – в один голос спросили все, кто участвовал в спасательной операции.

– Спящая дама. – Степаныч резко выпрямился, обвел присутствующих мрачным взглядом.

– Да ты что?! – Люся тихо охнула, попятилась подальше от находки.

– Вот, значит, куда твой батяня ее дел. – Степаныч не смотрел в ее сторону, он почти с нежностью водил ладонью по чему-то отдаленно напоминающему женское лицо. – Значит, не решился-таки на переплавку, в пруду утопил.

– А что за статуя такая? – спросил Сандро, присаживаясь на корточки рядом со Степанычем.

– Местная достопримечательность. – Завхоз достал из кармана брюк носовой платок, промокнул им выступивший на лбу пот. – Считается, что статуя была сделана итальянским скульптором Антонио Салидато по заказу хозяина здешних мест графа Ильи Полонского сразу после скоростной смерти его жены Ольги Матвеевны. В лихие революционные годы статуя пропала. Поскольку особой исторической ценности она не представляла, искать ее не стали. А потом, уже при моей памяти, когда старый графский дом было решено переоборудовать под сельский клуб, мы ее и нашли в подвале под кучей хлама.

– Эй, Степаныч, а ты откуда такой умный, а? Про скульпторов итальянских знаешь, про революционные годы. – Сандро выглядел непривычно мрачным, наверное, обиделся на то, что Люся осталась равнодушна к его выкрутасам.

– Спрашиваешь! – Люся заглянула поверх его плеча, поморщилась при виде осклизлого бока статуи. – Это сейчас Степаныч – завхоз, а раньше-то он был учителем истории и смотрителем в поместье. Между прочим, лучше него про здешние места, – она широким жестом обвела пруд и виднеющийся в просветах старого парка графский дом, – никто не знает.

– А почему она называется Спящей дамой? – спросил один из аквалангистов.

– Долгая история, – Степаныч пожал плечами, – как-нибудь потом расскажу.

– Там, на дне, еще две статуи поменьше, – вмешался в разговор второй аквалангист. – Эта почти на виду, а те сильно заилены, придется поковыряться, чтобы достать.

– Еще две?! – глаза Степаныча зажглись жадным блеском. – Это, надо думать, ангелы, графские дочери. Удивительно! Просто поразительно! Я только читал про них, видел старую репродукцию...

– Так уж и ангелы? – усмехнулся Сандро.

– Статуи называются Ангелы скорби, сделаны все тем же Антонио Салидато после трагической смерти девочек. Пропали они одновременно со Спящей дамой. Только вот Дама нашлась, а Ангелы – нет. Все думали, большевики их уничтожили или куда-нибудь вывезли, а они, оказывается, все это время были здесь, у нас под носом...

– Слышишь, Степаныч, – Сандро потемнел лицом, – мы там, в пруду, еще кое-что нашли. Только это нужно будет поднимать с ментами.

– С ментами? – насторожилась Люся.

– Ага, – поддержал Сандро один из аквалангистов, – там жмурик на дне...

* * *

«Уазик» лихо скакал по колдобинам, буксовал в рытвинах, вгрызаясь в высохшую до каменной твердости землю, ревел на всю округу. Можно было, конечно, не выпендриваться, подъехать к графскому дому с другой стороны, там стараниями Свирида дорогу проложили вообще шикарную, от самого райцентра, но участковому милиционеру Петру Огонькову захотелось вдруг вот так, с ветерком, через прерии. Да, честно говоря, не просто так захотелось, а по причине весьма прозаичной: езда с препятствиями по колхозному лугу позволяла отсрочить неприятный момент опознания трупа. Вот, казалось бы, здоровый он, Петруха, мужик, крепкий, рослый, подкову может двумя руками согнуть, работает в органах на должности серьезной

и ответственной, даже табельное оружие при себе имеет, а к виду смерти так и не привык. И если обычных покойников он еще кое-как мог выносить, то с утопленниками дело обстояло гораздо серьезнее. Утопленников бравый милиционер Петр Огоньков боялся до икоты, хотя не признался бы в этом никому, даже самому себе.

Вот и сейчас он убеждал себя в том, что спешить некуда – пока еще приедут спецы из райцентра! – так что можно прокатиться с ветерком по свежему воздуху, обозреть, так сказать, окрестности. Жаль только, что, как ни петляй, а дорога уже подходит к финишной прямой. Вон и липовая аллея впереди, значит, до поместья осталось полкилометра.

По аллее неспешно шла какая-то дамочка. По виду нездешняя, потому что никто из здешних не вырядился бы в драные джинсы и безрукавку, похожую на мужскую майку, и на голову бы не повязал дурацкий платочек с черепами. Видать, дачница, потому как санаторий еще закрыт и постояльцев в нем пока нет.

Поравнявшись с дамочкой, Петр намеренно сбросил скорость, вытянул шею, всматриваясь в скуластое, наполовину закрытое большими, какими-то стрекозиными очками лицо. Сейчас бдительность не помешает, труп – это вам не хухры-мухры, труп – это ЧП. И нечего всяким шастать возле места преступления.

– Петя, ты или проезжай, или притормаживай, – сказала вдруг дамочка низким, с прокуренной хрипотцой голосом. – Напылил тут...

– А мы, гражданочка, с вами знакомы? – Петр все-таки притормозил, наполовину высунулся из «уазика».

– Знакомы, товарищ милиционер. – Дамочка сняла очки, улыбнулась ширококоротой, чуть кривоватой ухмылкой, от которой на одной щеке образовалась симпатичная ямочка.

– Глашка? Глашка, ты, что ли?! – Петр выключил мотор, спрыгнул в пыль на дорогу, обвел дамочку уже другим, жадным, взглядом. Вот, значит, как выглядит их антоновская знаменитость. Он-то уже решил, что Глашка в своей Москве красавицей-раскрасавицей стала, пластических операций наделала, рожу подрихтовала, а она, оказывается, почти ничуть и не изменилась, как была тощей уродиной, так и осталась. Только остатки стыда растеряла, вон под майку даже лифчик не надела. Хотя зачем ей лифчик?! То ли дело его Маринка! Вот где красота настоящая, ни в какой рекламе не нуждающаяся.

– Что смотришь, Петенька? – Глашка продолжала улыбаться, но взгляд ее сделался колючим, настороженным, как когда-то давным-давно. – Никак не признал?

А и правда, что это он пялится, да еще и судит? Ну не повезло девке с внешностью, зато карьеру сделала! Мужиков, говорят, каждый день меняет, по курортам модным раскатывает.

– Да признал. – Петр смущенно улыбнулся, поколебался немного, а потом раскрыл подруге детства объятия. – К нам-то какими судьбами? Ты ж, говорят, сейчас крутая.

– Крутая. – Глашка усмехнулась, потрепала его по свежевыбритому подбородку, зыркнула черными цыганскими глазюками так, что на какое-то мгновение у примерного семьянина, отца двоих детей Петра Огонькова занялось дыхание. Теперь понятно, чего в ней мужики столетние находят. Она на них вот так посмотрит, и все, пиши пропало... И пахнет от нее так непривычно, чем-то нежным, горьковатым, как в саду после дождя. Не то что от Маринки. У Маринки проще все: духи сладкие, как леденцы, и такие же дешевые. Эх, надо будет на днях в райцентр смотаться, купить любимой жене что-нибудь настоящее, французское...

– Я к бабушке приехала в отпуск. – Глашка отступила на шаг, снова нацепила свои стрекозы очки и стала самой обыкновенной тощей и некрасивой городской бабенкой. Прошло наваждение, слава тебе, господи...

– А сейчас-то куда топаешь? – Петр с опозданием вспомнил, что он не просто так раскатывает, что он при исполнении, а до места преступления пять минут ходу.

– Да вот, решила к поместью прогуляться. Бабушка говорит, там по-другому все, хозяин у него теперь есть. А ты куда?

– И я туда же. – Петр секунду подумал, а потом распахнул перед Глашкой дверь «уазика». – Садись, подвезу.

– Да тут же недалеко.

– Садись, садись, – велел он строго. – Я ж не просто так катаюсь, я в поместье по делу. Без меня тебя туда вообще не пустят.

– А что так? – В Глашкином прокуренном голосе послышалась насмешка, и Петру вдруг сделалось обидно.

– А то, что водолазы из пруда утопленника выловили, – сказал он мрачно. – Скоро бригада подъедет, посторонних туда точно не пустят.

– Утопленника? – Смуглое, до бронзы загорелое лицо Глашки вдруг сделалось пепельно-серым, и Петр, который вовсе не был злым, тут же себя укорил за черствость. Совсем забыл, что у Глашки к старому пруду особенное отношение.

– Слышь, это я зря, видно, тебе сказал, – пробормотал он. – Ты это... если не хочешь, не ходи. Домой ступай, пока я там буду разбираться.

Сказать честно, никто ему разбираться не даст, но пыль в глаза пустить охота. Чтобы не думала, что они там у себя в Москве крутые, а он тут в Антоновке просто так, не пришей кобыле хвост.

– Не, Петь, я с тобой съезжу, если, конечно, можно. – Глашка упрямо мотнула головой, и стрекоты очки слетели на землю. Взгляд у нее теперь был уже совсем другой, не насмешливый, а напуганный и, кажется, решительный. Вот этот взгляд он помнил хорошо, он был Петру привычен и не нервировал непонятными потаенными искрами, не сбивал с пути истинного.

– Поехали, – решил он, поднял очки, черкнул радужными стеклами по рукаву форменной рубахи, стирая пыль, протянул Глашке. – Только чтобы тихо мне. С вопросами всякими не лезь и под ногами не путайся. А то знаю я вас, журналистов.

Московская знаменитость возражать не стала, поблагодарила за очки, забралась в «уазик».

К месту преступления подъехали спустя пять минут. Петр нарочно максимально сбавил скорость, чтобы Глашка смогла рассмотреть и оценить перемены, произошедшие в графском поместье. Она смотрела во все глаза, даже про сигарету, зажженную, но так ни разу и не поднесенную к губам, забыла. А Петр, который всего полгода как бросил курить, адски мучился, вдыхая необычный, как и духи, табачный дым. Если бы не страшная клятва, данная Маринке, то точно не удержался бы, стрельнул сигаретку, а так терпел из последних сил.

У пруда, у той его части, где строители организовали новенькую лодочную станцию, толпился народ. Петр смог рассмотреть коренастую фигуру Степаныча, ярко-красное, вульгарное, как сказала бы Маринка, платье Люськи Самохиной и лысую башку грузина, числящегося в поместье шеф-поваром. Остальной народ был незнакомый и явно на месте преступления лишний. Хотя какое здесь место преступления! Утопленника-то не на берегу нашли, а в пруду. И не факт, что преступление имело место быть, может, просто потонул кто по дури или по пьяни.

– Ну, что у вас тут? – Петр лихо спрыгнул на землю, не дожидаясь, пока из «уазика» выберется Глашка, направился к пруду.

– Утопленник, – буркнул незнакомый парень, затянутый в гидрокостюм.

Позади него у самой кромки воды лежало тело, зеленое, оплетенное водорослями, безобразное. Петра замутило.

– Да не туда смотришь, товарищ милиционер, – усмехнулся грузин. – Это не труп, это статуя. Труп мы со дна не доставали, ждали разрешения официальных властей.

Значит, это не труп, а всего лишь статуя! Кислый ком, уже подкативший было к горлу, соскользнул обратно в желудок.

– Так вот вам официальное разрешение, – сказал Петр нарочито громко и зло. – Доставайте!

– А я, между прочим, не подряжался жмуриков со дна вытаскивать, – огрызнулся парень в гидрокостюме.

– Да брось ты, брат, – грузин примирительно взмахнул рукой, – надо человеку помочь. Ну хочешь, я вместо тебя нырну?

– Обойдусь как-нибудь без помощников. – Парень кивнул напарнику и уселся в лодку. – Под твою ответственность! – он с неприязнью посмотрел на Петра.

Ясное дело, под его ответственность! А кто ж здесь еще уполномочен брать на себя ответственность?

– А это кто с тобой? – Люська бесперемонно ткнула наманикюренным коготком в сторону Глашки. – Маринка-то твоя знает, что ты в рабочее время дачниц на служебной машине катаешь?

Вот ведь язва! Как была заразой языкатой, так и осталась, даже городская жизнь ее не изменила. Небось сегодня же побежит Маринке докладывать...

– А я не дачница. – Глашка, похоже, решила, что пора выйти на сцену, шагнула из тени старой липы на желтый пляжный песок, сняла очки, кивнула всем сразу, ухмыльнулась козырной своей кривоватой улыбкой.

– Какие люди в Голливуде! – пропела Люська. – Никак сама Аглая Ветрова, звезда столличного бомонда, к нам пожаловала! – Голос у нее сделался сахарный, аж до одури.

Вот ведь бабы! Им и время нипочем! Старая дружба не ржавеет. Хотя про дружбу это он зря, дружбой здесь никогда и не пахло, а чем пахло, вспоминать не хочется, да и незачем.

– Сама, сама. – Из заднего кармана джинсов Глашка достала пачку сигарет, сунула одну в рот, но прикуривать не спешила, ждала, пока кто-нибудь из мужиков поможет. Зря ждала, не тот здесь народишко собрался. Вот он, Петр, обязательно помог бы, если бы не бросил курить.

Оказалось, ошибся он в оценке собравшихся на лодочной станции мужиков: к незажженной Глашкиной сигарке потянулись сразу три руки: мокрая аквалангиста, влажная от пота Степаныча и волосатая грузина. А залетная звезда Аглая Ветрова кивнула по-королевски, улыбнулась всем и сразу, но прикурила от зажигалки грузина, и Петр, привыкший проявлять бдительность, с удивлением заметил, как размалеванное Люскино лицо перекосила гримаса злости. Ох, Люська-Люсинда! Вечно ей мужиков мало, вечно хочется вырвать кусок пожирнее из пасти конкурентки. Только кого ж здесь вырывать-то? Ну разве что аквалангиста. Молод, накачан, хорош собой – как раз в Люскином вкусе. Даже странно, что с такими-то вкусами замуж она вышла за Свирида. Вот уж кто ни по каким статьям не укладывался в ее стандарты. Впрочем, время показало, что Люська не прогадала: изо всей их удалой компании фортуна за горло взял именно Свирид. Да вот еще Глашка. А кем были-то? Как же это старший сын Ванька таких называет? Лузеры – вот! Лузерами они были, что Глашка, что Свирид...

– А какими судьбами? – Люська больше не кривилась, Люська улыбалась широко и ласково, так, словно встретила любимую подругу. – Ты ж, говорят, сейчас все больше по заграницам разъезжаешь. Что тебе в нашей глуши?

– Так уж и в глуши? – Глашка глубоко, по-мужски, затянулась, многозначительно посмотрела на графский дом. – У вас здесь, как посмотрю, настоящий эдем организовался.

– Организовался, – фыркнула Люська, – не организовался, а организовала. Я организовала, между прочим. Вот этими руками. – Она задумчиво посмотрела на свои остро заточенные, ну точно как у упыря, когти. – Свирид, понимаешь ли, сейчас очень занятой, у него денег куры не клюют, а времени нет нисколько. Говорит: «Бери, жена, деньги, сколько нужно, и начинай свой бизнес».

– Так ты теперь бизнес-леди? – В голосе Глашки прозвучал вежливый интерес.

– Ага, у нас семейный бизнес! – Люська сделала ударение на слове «семейный», и Петр мимоходом удивился: ну ладно бизнес, но с какого перепугу семейный! Ведь всем антоновским давно известно, что не сложилось у них со Свиридом ничего, если еще не разошлись, то уж

точно скоро разойдутся. А то, что Свирид доверил это дело Люське, так он в своем праве. Во-первых, он всегда был чутѣк того, непредсказуем, а во-вторых, Люська, хоть и стервозина, каких поискать, но свое дело знает, если уж вцепится во что, так мертвой хваткой. Без нее бы ничего путного из этой затеи с санаторием не вышло.

– А ты, Аглая, надолго к нам? – Не то чтобы Степаныч спешил погасить назревающий пожар, скорее, просто проявил вежливость. Он же интеллигент, даром что завхоз, ему нужно, чтобы все чин по чину было – с церемониями.

– Василий Степанович? – А вот сейчас Глашка, похоже, удивилась. Неужто не признала наипервейшего антоновского сказочника?!

– Не узнала меня, Аглая? – Степаныч расплылся в добродушной улыбке. – Так и немудрено. Мы с тобой сколько лет не виделись? Десять?

– Пятнадцать.

– Вот, пятнадцать! – Степаныч потеревил густой ус. – Пятнадцать лет – это только для таких нимф, как вы с Люсей, не возраст, а для меня, старого пня, практически рубеж.

– Так уж и рубеж? – Глашка выпустила струйку сизого дыма, уставилась на Степаныча внимательным и беззастенчивым взглядом, точно пыталась сравнить тот образ, который сохранился в памяти, с нынешней картинкой. – Вы еще о-го-го какой мужчина! – сказала с усмешкой.

– Ой, ну прямо дворянское собрание какое-то! Развели церемонии! – хмыкнула Люська. – А ничего, что у нас тут Спящая дама отыскалась, а там труп в пруду плавает? Или вас это нисколько не смущает?

– Можно подумать, тебя смущает! – не удержался Петр, которому упоминание о предстоящей нелегкой процедуре извлечения и, возможно, опознания утопленника не подняло настроение.

– Меня смущает! – Люська притопнула каблучком от негодования. – Нам через неделю пансионат открывать, а тут такое! Как думаешь, много народу к нам приедет, если станет известно про этого твоего жмурика?!

– Он не мой жмурик, – отмахнулся Петр. – Он пока ничейный. Что-то долго они там возятся.

Словно в ответ на его претензию, вода возле лодки запузырилась, и на поверхность всплыл сначала аквалангист, а потом еще что-то, с берега не различимое. Кислый ком, который, оказывается, никуда не делся, медленно, но неуклонно двинулся вверх по пищеводу.

Дневник графа Полонского

11 июля 1913 года

Не заметил, как день прошел, перетек в непроглядную ночь. Вдвоем мы сейчас: я и Оленька. Она мертвая и в смерти своей прекрасная, как ангел. Я тоже уже почти мертвый, безобразный в своем никчемном существовании.

Не установил Илья Егорович причину смерти. Или мне не захотел сказать? Вместо ответа про неисповедимость путей Господних заговорил, советовал смириться, никого не винить в трагической этой случайности.

Случайность! Оленьки нет, а он мне про случайность! Знаю, кто виноват, не нужно далеко ходить, достаточно сдернуть с зеркала черную кисею да взглядеться повнимательнее. Я виноват! Упреки мои, ревность неизживная довели Оленьку до последней черты. Вместо того чтобы радоваться, счастье свое пить полной чашей, я травил и себя, и ее унижительными подозрениями, ревновал, как мальчишка, обижал неверием и злыми словами, не мог или

не хотел поверить, что такая, как она, может искренне любить такого, как я. Не за титул, не за деньги и модные платья, а просто так. Не как благодетеля и спасителя, а как мужа, как мужчину, в конце концов!

Бесприданница, бессребреница, сирота – легкая добыча для алчных и подлых. Моя добыча. Она ведь и не раздумывала почти, когда я к ней в дом явился с предложением руки и сердца, потому как умная была девочка, понимала, что лучше уж стать законной женой старого графа Полонского, чем любовницей какого-нибудь молодого прощелыги. Вот потому что не раздумывала, я и сделался таким подозрительным, понимал, что любви между нами никакой нету, боялся, что повзрослеет моя Оленька, поймет, что проходит молодость с нелюбимым мужем, к другому уйдет.

А она все твердила: «Одного тебя люблю, Ванечка, никто мне не нужен». И ведь ласковая какая со мной была, терпеливая! Я, бывало, сорвусь, накричу на нее, а она в ответ только улыбнется печально, будто знает обо мне что-то такое, что мне самому неизвестно. Мне бы с рождением дочек уговориться, взять в толк, что моя она теперь, навеки моя, да только материнство Оленьку еще краше сделало, а любовь мою еще мучительнее. Ревновать начал, к малым детям ревновать, к собственным кровиночкам. Понимал, что страшно это, не по-христиански, а ничего с собой поделать не мог, не хотел делить Оленьку ни с кем. Потом-то поостыл, посмотрел на Настеньку с Лизонькой другими глазами, понял, что жена их иной любовью любит, недоступной мужскому пониманию. Смирился. До тех пор пока девочки наши не подросли, пока не стали мы в свет выезжать.

Я бы не выезжал. Что мне эта напыщенность, суэта и тщеславие! Для балов я слишком стар, для интриг слишком равнодушен, для борьбы за власть слишком богат. Но свет не желал оставлять нас в покое, свет желал видеть графа Полонского непременно с молодой супругой. Чтобы оценить новых рысаков, запряженных в новую же золоченую карету, из Санкт-Петербурга выписанное, по последней моде сшитое Оленькино платье да старинное бриллиантовое ожерелье. Чтобы с жадностью подметить то, что еще не подмечено, лишний раз позлословить по поводу чудовищного мезальянса. Я понимал это остро и болезненно, а Оленька успокаивала, уговаривала, с честью несла и бриллиантовое ожерелье, и модное платье, и титул графини Полонской. И в чести этой она была куда большей аристократкой, чем те, кто мнил себя таковым.

А я ревновал, забывал дышать, когда какой-нибудь молодой хлыщ приглашал Оленьку на вальс, бесновался, когда ловил восхищенные взгляды, на нее направленные, умираю, когда Оленькиной ручки касались чужие жадные губы, готов был убивать...

И убил... Неверием, упреками, любовью своей сумасшедшей.

Свечка в Оленькиных тонких пальчиках потрескивает, желтое пламя вздрагивает, как от ветра, а на губах застыла улыбка. И мотылек – над огнем, мечется, не боится обжечь крылышки. Доверчивый, совсем как моя Оленька... Нет сил смотреть, и слез нет. Ничего нет – выгорело все на рассвете вчерашнего дня.

– ...Не закапывай... – голос, скрипучий, ненавистный, колышет пламя свечи, грозит загасить. – Не закапывай Ольгу в сырую землю, барин. Не убивай дважды.

Ульяна, старая карга! И как только пробралась, ведь велел же никого не пускать, не мешать мне! Но этой ведьме мое слово не указ, у нее одна только хозяйка была, которой она верой и правдой, точно собака, служила, – Оленька. Потому как ведьма – Оленькина кормилица и единственная на всем свете заступница. Во всем моя жена была покорной, кроме одного: не позволяла никому ведьму обижать, даже мне. Вот и терпел я это кособокое, хромое, в лохмотья закутанное существо в своем доме, ради Оленьки терпел.

– Уйди! – Лучшее смотреть на свечу, на тонкий Оленькин профиль, на мотылька, запустившегося в Оленькиных волосах, лучше не слышать змеиного шипения за спиной.

– Не закапывай. Не мертвая она...

Не мертвая... Как бы я хотел в это верить, но не могу! Изменилась моя девочка, стала другой: тонкой, полупрозрачной, хрупкой – неживой.

– Уйди, старая! – Сжатым в кулак пальцам больно, и дышать больно, а перед глазами кровавая пелена. – Уйди, не доводи до греха!

– За что ж она тебя любила, жестокосердного? – Ульяна обошла гроб, коснулась высокого Оленькиного лба, и мотылек доверчиво перепорхнул на ее заскорузлый палец, сложил крылышки, затаился. – Что ж ты слепой-то такой?! Что ж ты сердцу своему не веришь?!

– Пошла вон! И чтобы глаза мои тебя не видели! – Сгреб визжащую, беснующуюся ведьму в охапку, вытолкал за дверь, почти без чувств упал на стул рядом с гробом, сквозь кровавый туман заметил, что свечка в Оленькиных руках погасла, а неугомонный мотылек опустился мне на плечо, точно утешая...

* * *

Ничто не изменилось. То есть люди, деревня, графский парк, даже старый пруд изменились – кто в худшую, кто в лучшую сторону, – но атмосфера осталась прежней, вязкой, тревожной, навевающей уныние и всякие бредовые мысли. Аглая глубоко затянулась, мимоходом отметив, что даже привычный табачный дым здесь трансформируется, приобретает неприятные горьковатые нотки. Странное место – отталкивающее и притягательное одновременно. И ведь не избавиться от его тяжелого очарования никак, не выбросить из головы обрывки мутных воспоминаний. Может, оттого, что воспоминания обрывочные, не складывающиеся никак в цельную картинку, ее по-прежнему тянет сюда с такой неудержимой силой. Даже в этот старый парк, особенно в парк. И Дама нашлась, словно специально поджидала, когда она, Аглая, вернется, чтобы вспомнить то, что похоронено под толстым илом воспоминаний. Она вернулась, а вот вспомнить никак не получалось...

А Люська как была стервой, так и осталась. До сих пор небось считает, что мир существует исключительно для исполнения ее капризов. Ох, всем хорош был Аркадий Борисович, председатель богатейшего колхоза, а вот с любимой дочкой сладить не сумел, распустил еще с пеленок, приучил к вседозволенности. Нет больше колхоза-миллионера, и Аркадий Борисович уже десять лет как умер, а Люська до сих пор считает себя пупом земли.

– Что-то не похоже, чтобы они утопленника выловили. – Петя сощурился, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть на дне приближающейся к берегу лодки.

– Да нет, что-то выловили, – покачал головой наголо бритый мужчина кавказской наружности. – Эй, ребята, как дела?

– Дела как сажа бела, – буркнул один из аквалангистов и, не дожидаясь, когда лодка причалит, спрыгнул в воду. – Рассыпался наш жмурик, вот какие дела! Стали его тащить – он и рассыпался.

– То есть как это – рассыпался? – Петино лицо налилось нездоровой зеленью. Это ж надо, такой чувствительный – и работает милиционером.

– А так и рассыпался! Антоха, покажи!

– Покажи! Мне этот ваш утопленник теперь по ночам будет сниться. – Второй аквалангист нагнулся, пошарил на дне лодки и выудил на свет божий что-то круглое, грязно-серое.

– Это еще что за... – начала было Люська, но не договорила, взвизгнула, вцепилась в руку кавказца. – Ой, мамочки... – простионала, закатывая глаза.

– Это череп, что ли? – шепотом спросил Петя.

– Череп. – Аквалангист положил, почти бросил находку на песок рядом со статуей. – Знаешь, братуха, остальные кости пусть кому положено, тот на дне и собирает! А с нас и этого хватило!

– Так если кости, то получается, что труп старый? – пробормотал Петя, присаживаясь на корточки перед скалящимся черепом. – Как его опознать-то теперь?

– Там, на дне, еще кое-что было. – Аквалангист вернулся к лодке, безглаголиво, двумя пальцами выудил сначала мокрый армейский сапог, потом кнут с оплетенной стальной проволокой рукоятью.

– Погодь, погодь! – Степаныч обеими руками, не брезгуя и не боясь залить одежду водой, поднял сапог, перевернул вверх подошвой, поскреб пальцем по подбитому проржавевшей скобой каблуку. – Так это ж Гришки Пугача сапог! И кнут этот тоже его! Он же с ним не расставался ни днем ни ночью.

Сигаретный дым, горький, как хина, царапнул горло, вышиб из глаз слезу. В голове зашумело, а перед глазами поплыли фиолетовые круги. Аглая попятилась, задела плечом Люську, но та, казалось, этого даже не заметила. Люська смотрела на череп расширившимися от ужаса глазами и все сильнее впивалась крашеными когтями в загорелый бицепс кавказца.

– Думаешь, Пугач? – Петя обернулся к Василию Степановичу.

– А кто еще? – тот в ответ пожал плечами, озабоченно посмотрел на Аглаю, спросил: – Эй, девочка, с тобой все в порядке?

– В порядке. – Ей наконец удалось выдохнуть дым и глотнуть воздуха. И с фиолетовыми кругами получилось договориться. Она же взрослая тетка, а не сопливая семнадцатилетняя девчонка. – Просто голова закружилась.

– Есть отчего закружиться, – проворчал Петя. – Вот, оказывается, куда Пугач девался! Его по всей области с собаками искали, а он тут... в пруду.

– Может, совесть замучила? – предположила Люська и отцепилась, наконец, от кавказца. – Может, после того, что натворил, сам уже жить не смог, решил того... утопиться.

– Ага, такого совесть замучает, дождешься!

– А может, это и не Пугач вовсе. – Василий Степанович подергал себя за ус. – Может, инсценировал самоубийство, чтобы следы замести.

– Не инсценировал. – Петя осторожно перевернул череп, ткнул пальцем во что-то похожее на металлическую заплатку. – Видали?! – спросил мрачно. – У кого еще такая штука в черепушке была? Это ж Пугача еще в Афгане осколком накрыло, думали, не выживет после такого, а он взял и выжил.

– Ага, только мозги набекрень сползли, – фыркнула уже окончательно пришедшая в себя Люська. – Ты помнишь, менты еще тогда ссылались на эту его контузию, говорили, что это из-за нее он таким стал...

– Ничего не понимаю. – Кавказец покачал головой, обвел присутствующих недоуменным взглядом. – Что за Пугач такой? Что натворил?

– Да уж натворил! – В Люськином взгляде появилась до костей пробирающая многозначительность. – Трех девчонок молодых на тот свет отправил, Степаныча нашего едва не удушил, Глашку чуть не утопил. Расскажи ему! – не попросила, а потребовала она.

– С какой стати? – Аглая недоуменно дернула плечом, загасила сигарету – и не догадываясь, что у нее сейчас творится на душе.

– А с такой стати, что ты последняя была, кто его видел!

– Не помню ничего. – Только бы голос не дрогнул, только бы не выдал! – У меня амнезия – не помню.

– До сих пор, что ли, амнезия? – Люська недобро сощурилась.

– А что тебя удивляет? Ты думаешь, мне очень хочется все это вспоминать?

– А чего ж не вспомнить? Вспомнила бы – глядишь, и следствию помогла!

– Самохина! – рявкнул вдруг Петя. – Отстань от нее!

– Не Самохина, а Свириденко, – огрызнулась Люська, но уже другим, более спокойным тоном. – И не хрен мне указывать, что можно говорить, а что нельзя! Я сама себе хозяйка!

– Ай, Люси, дорогая, сейчас о серьезных вещах речь. – Кавказец неодобрительно покачал головой. – Зачем ссориться?

– Ай, Сандро, дорогой, – в тон ему пропела Люська, – не твоего ума дело, о чем мы тут говорим. Твое дело – кастрюлями греметь, а не преступления распутывать.

Смуглое лицо Сандро потемнело еще больше, а чернильные глаза налились кровью, он сделал было шаг в сторону Люськи, а потом махнул рукой, подобрал валяющуюся на настиле рубашку и пошел прочь от пруда.

– Умеешь ты с людьми ладить, Людмила. – Василий Степанович сердито дернул себя за ус.

– А пусть не лезет! Ишь, Пуаро выискался! – Люська не могла допустить, чтобы последнее слово осталось не за ней.

– Дура... – процедил сквозь зубы Петя.

– Все! Надоело! Пойду Свириду звонить, пусть приезжает и разбирается! – Люська развернулась так резко, что десятисантиметровые шпильки ввинтились в рыхлый песок почти на всю длину, проворчала себе под нос: – Угораздило же связаться с идиотами...

Да, похоже, Аглая ошиблась, когда думала, что только баба Маня нисколько не изменилась за все эти годы. Люська Самохина – ах, пардон, Свириденко! – тоже не изменилась, как была глупой стервой, так и осталась...

Дневник графа Полонского

14 июля 1913 года

Оленьку похоронили на семейном кладбище, под старым, еще прадедом моим посаженным дубом. А я снова будто выпал из бытия, почти ничего не помню. Вот как коснулся губами холодных Оленькиных губ, так и умер вместе с нею. Мир перестал существовать, погрузился в вязкий, липнущий к коже туман. И в тумане этом что-то происходило, что-то неправильное, непоправимое, а что – я не знал, не мог вспомнить. Ощущал лишь легкие касания крошечных полупрозрачных крыльев да слышал ведьмин голос: «Не закапывай, барин! Не мертвая она...»

В себя пришел только на следующий день, да и то лишь затем, чтобы напиться, залить горе и боль вином, утопить в нем страшные сомнения. Пил до ночи. И ночь тоже пил, пока не уснул. А может, и не уснул вовсе, а провалился в прореху между мирами, попал туда, куда живым ходу нет...

...Оленька сидела у своей могилы, пересыпала из ладошки в ладошку черную кладбищенскую землю, на меня не смотрела.

– Ванюша, что ж ты кормилицу мою не послушался? – Голосок тихий, едва различимый. И в голосе – печаль. – Тяжко мне здесь, холодно... Пожалей меня, Илюшенька, вызволи...

Шагнул навстречу, хотел прижать к груди, погладить по смоляным волосам, да не смог: просыпалась моя Оленька сквозь пальцы черной кладбищенской землей...

...Когда же это я на кладбище-то пришел?! Ничего не помню, не понимаю! Руки по локти в земле, пальцы в кровь содраны, рубаха от пота мокрая к телу прилипла, а под ногами – что-то твердое деревянное... Гроб!

И змеиное шипение откуда-то сверху:

– Поспеши, барин! Мало времени у тебя!

Сумасшествие! Или сон? Дикий, до боли реалистичный...

А хоть бы и сон! Я в своем сне себе хозяин! Кто мне помешает еще разок на Оленьку посмотреть?..

Крышка гроба тяжелая, дубовая! Где сил взять, чтобы ее отодрать?

Нашел силы. Во сне-то всякие чудеса случаются...

...А она не изменилась совсем, моя девочка. Будто сама смерть над ней не вольна. Чеканный профиль, ямочка на подбородке и дорожки слез на белых, точно мукой припорошенных, щеках.

Слезы... И руки не на груди сложены, а скрючены, точно у старой Ульяны, и ногти на пальцах обломаны...

– Говорила ж я тебе, барин, – не закапывай! – Скрипучий голос кормилицы и комья сырой земли за шиворот. – Ну как, поспели?

Поспели? Ох, какой вопрос...

Грязные пальцы оставляют на белых Оленькиных щеках некрасивые следы. На щеках и на том самом платье, из столицы выписанном, к именинам приготовленном. Под пальцами кожа холодная, но не мертвенным холодом, а по-другому, точно и в самом деле замерзла Оленька, в сырой земле лежавши. И снова мотылек, мой маленький проводник в мир теней, кружится над Оленькой, не улетает. Неужто тот самый мой давешний знакомец?..

* * *

– Свирид! Ау, Свирид! Ты меня вообще слышишь?! – Визгливый Люсин голос резанул по барабанным перепонкам. Как это он раньше не замечал этих истеричных, на грани с ультразвуком, ноток?! Или просто не обращал внимания, смирился за почти пятнадцать лет совместной жизни?

– Слышу. – Михаил отошел от настезь распахнутого по случаю жары и неисправного кондиционера окна, внимательно и максимально вежливо посмотрел на бывшую супругу. – Слышу, не кричи, пожалуйста.

– Как это не кричи?! Ты кому это советуешь не кричать?! – Люся, облаченная в сильно декольтированное, апельсинового цвета платье, фурией металась по директорскому кабинету. И от метаний этих утихшая было головная боль с новой силой принялась вгрызаться в бедные мозги Михаила. – Не понимаю я тебя! Вот хоть убей, не понимаю! Как это – откроемся попозже? Да когда ж попозже, если лето у нас не африканское?! Месяц-другой – и все, конец сезону. Нет, ты меня послушай, ты, конечно, светило и все такое, но в бизнесе я разбираюсь получше твоего!

Да уж, получше! Не работала ни дня с момента свадьбы, но до сих пор отчего-то считает, что разбирается в бизнесе лучше, а его деловые успехи считает всего лишь удачным стечением обстоятельств. Так было до развода, а сейчас стало и того хуже. Люсе оказалось мало квартиры в центре, престижной иномарки, поделенного банковского счета и немаленького даже по столичным меркам ежемесячного содержания. Ей вдруг захотелось доказать ему, Михаилу, что это именно она была двигателем в их маленькой и совсем не дружной семье, что, освободившись от балласта в виде мужа-неудачника, она далеко пойдет и всему миру покажет, чего стоит. Потому, наверное, она и вцепилась клещами в этот реабилитационный центр, который исключительно назло ему называла пансионатом.

Эх, надо было сразу поставить бывшую на место, показать, кто на самом деле хозяин ситуации и чьи деньги вложены в проект, а теперь поздно: Люся уже у руля и руль этот не выпустит из своих маленьких цепких ручек ни за какие коврижки. Единственный вопрос, в котором Михаил оставался непреклонен, – это подбор медицинского персонала. К счастью, бывшая не возражала, понимала, что в медицине он разбирается всяко лучше ее.

Как показало время, организатор из Люси и в самом деле вышел неплохой. Сначала Михаил еще подстраховывался, незаметно контролировал ситуацию, а потом успокоился. Ничего фатального его экс-супруга не совершала, дела вела грамотно, не без присущей всей

ее родне селянской хватки. Оказывается, до поры до времени. Только лишь до тех пор, пока Михаилу не вздумалось самому порулить...

– Люся, не ори, – Михаил в раздражении побарабанил пальцами по стеклянной столешнице, – голова болит.

– А ты не лапай! – тут же взвилась бывшая. – Что вы все его лапаете?! Вам тут что, медом намазано?!

– Что не лапать? – не понял он.

– Ничего не лапай! Ясно?! – Она смотрела на него едва ли не с ненавистью. Эх, как же все-таки хорошо, что он нашел в себе силы развестись. Найти бы еще сил, чтобы послать ее куда подальше.

Впрочем, дело тут было не в силах, Михаил понимал это с убийственной ясностью. И идея с разводом была не его, а Люсина. Просто он уже как-то привык, смирился – и с постоянными упреками, и с разговорами на повышенных тонах. Может, Люся в чем-то и была права: если бы не она, он бы не стремился уйти из дома при всяком удобном и неудобном случае, не просиживал бы днями и ночами на работе, не писал бы никому не нужную на тот момент, но очень пригодившуюся впоследствии диссертацию. И на авантюрное предложение институтского товарища Борьки Сизова рискнуть и начать частную психотерапевтическую практику тоже, скорее всего, не повелся бы. Так и работал бы штатным психиатром в штатном психоневрологическом диспансере. Но дома его не ждало ничего, кроме Люсиных упреков в никчемности и полнейшей жизненной неприспособленности, а замкнутый бег по кругу «дом-работа-дом» в какой-то момент опостылел до чертиков, и Михаил рискнул.

Как оказалось, рискнул не зря. Как оказалось, у него, говоря словами бывшей супруги, заурядного мозгоправа, талант. Оказалось, управляться с чужими мозгами, реальными и вымышленными фобиями, происками сознания и особенно подсознания он может с виртуозной филигранностью. Не прошло и десяти лет, как из маленького кабинетика на окраине они с Борькой перебрались сначала в кабинет побольше и в куда лучшем районе. Далее последовал приличный офис уже в центре с вышколенным персоналом, секретарем, многоканальным телефоном, абстрактными картинами на стенах, выкрашенных в успокаивающий нежно-зеленый цвет, и живыми цветами в дорогих вазах. И так же без труда, почти играючи, в свои тридцать с небольшим Михаил Свириденко превратился в самого молодого профессора, обремененного не то обязанностью, не то правом консультировать сильных мира сего и читать лекции в крупнейших медицинских вузах страны, ближнего и дальнего зарубежья. Сказать по правде, второе Михаилу нравилось значительно больше первого, но, как человек рациональный и здравомыслящий, он понимал, что без первого второго быть не может. Для того чтобы заниматься любимым делом, в его конкретном случае нужны финансовые вливания, и немаленькие. Возможно, со временем идея с реабилитационным центром и начнет приносить дивиденды, но пока нужно проявить терпение и, как любил повторять деловой партнер Борька Сизый, сортировать пациентов не на интересных – неинтересных, а на полезных – бесполезных.

Развод вписался в канву его беспокойной, полной разъездов и новых людей жизни вполне органично. Михаил был в Торонто на научной конференции, когда позвонила Люся и, не здороваясь, заявила:

– Свирид, задолбалась я!

Он хотел было вежливо поинтересоваться, что именно ее задолбало, но Люся его опередила.

– Я тебя бросаю! – В голосе ее слышались непривычные, неидентифицируемые нотки. – Бросаю, понимаешь?!

Он не понимал. То есть по Люсиному тону смутно догадывался, что скоро в его жизни случатся серьезные перемены, но до конца поверить в реальность происходящего смог только в тот момент, когда уже в Москве на пороге его рабочего кабинета объявился вертлявый тип

в дорогом костюме. Тип представился адвокатом госпожи Свириденко и предложил обсудить условия, на которых его клиентка готова избавить господина Свириденко от семейных уз. Условия, на взгляд меркантильного, привыкшего все просчитывать наперед Борьки, были драконовскими, но Михаил не стал спорить. Он с легким сердцем подписал все необходимые документы, отменил назначенные встречи и улетел на Байкал в первый за десять лет отпуск.

Именно там, на Байкале, ему и пришла в голову идея с реабилитационным центром. Жизненный и в большей мере профессиональный опыт подсказывал, что в наше беспокойное время людям нужно врачевать не только тело, но и душу. Или не врачевать, а проводить профилактику. Профилактика души – очень верное определение. Даже автомобилям, по сути своей бездушным железкам, каждый год необходима профилактика, а человек – это не железка, человек – гораздо более сложный и хрупкий механизм. Ему иногда бывает недостаточно простой замены детали...

Борька идею Михаила обозвал утопическим идиотизмом, но по старой дружбе помог с выбиванием кредитов и подписанием необходимых документов. За эту помощь Михаил пообещал как минимум два года «не уходить в себя» и не отказываться от выгодных клиентов-пациентов. Собственно говоря, именно по причине своей тотальной занятости он и доверил Люсе работу над центром.

Вопреки ожиданиям, после развода отношения их стали на порядок теплее, из супружеских перешли почти в родственные. Иногда Михаилу казалось, что Люся его отчего-то жалеет и даже в некоторых моментах пытается опекать. Наверное, она бы сильно удивилась, если бы узнала, что Михаилу не нужны ни жалость, ни опека, что непрактичный с виду ученый муж на поверку может оказаться весьма деятельным и энергичным, способным контролировать и прогнозировать почти любую ситуацию. И вот сейчас и наступило время прогнозов. Да еще каких...

– Люся, это не обычный санаторий, – Михаил потер виски, пытаясь унять боль, – это реабилитационный центр для людей с расшатанными нервами.

– Для психов! – Люся плюхнулась в кресло, принялась рыться в сумочке.

– Ну, я бы не стал утверждать так категорично. – Он следил за ее действиями сквозь полуприкрытые веки. – В сложившейся ситуации будет лучше отложить открытие центра до окончательного завершения расследования. Ну подумай сама, какой урон нашей репутации могут нанести все эти слухи и домыслы?

Люся достала из сумочки пузырек с аспирином, поставила на стол перед Михаилом, буркнула:

– Выпей!

Он с благодарностью кивнул, не запивая, проглотил сразу две таблетки.

– О слухах и домыслах нужно было раньше думать, милый мой! – Проявив акт человеколюбия, Люся тут же смутилась и разозлилась. – Раньше, когда впрягался во все это! Ты же не хуже меня понимал, что это за место! Почему не выбрал что-нибудь другое, почему зубами вцепился в эту чертову усадьбу?

Вцепился? А ведь и вправду вцепился! Сразу, как только узнал, что графский дом можно купить. И не смехотворная цена его соблазнила, и даже не пасторальные пейзажи, которые, несомненно, пошли бы на пользу будущим обитателям центра. Его зацепило и потянуло обратно прошлое, заржавленным крюком впилося в сердце и не отпускало ни на секунду. Скорее всего, его необдуманный, совершенно эмпирический визит в Антоновку стал тем механизмом, который запустил маховики памяти. Михаилу вдруг захотелось сравнить впечатления почти пятнадцатилетней давности с впечатлениями нынешними, понять наконец, с кем тогда было неладно: с ним или с этим местом. По всему выходило, что с воспоминаниями и психикой у него все в порядке. Да и с местом, чего уж там, тоже все хорошо. За пятнадцать лет ни единого происшествия, все тихо-мирно, по-деревенски сонно. Выходит, ошибся...

– Люсь, ну как же так? – Михаил аккуратно поставил пузырек с аспирином на стол. – Ну вспомни, ведь тогда же пруд водолазы прочесали вдоль и поперек? Почему они Пугача сразу не нашли?

– Ты у меня спрашиваешь? – Люся раздраженно поморщилась. – Да откуда ж мне знать, почему не нашли?! Петруха что-то такое говорил... вроде тело почти сразу илом занесло. Его б и сейчас никто не нашел, если бы не твоя дурацкая идея почистить пруд.

– Выходит, не такая уж и дурацкая.

– Дурацкая! – Люся зло хлопнула ладошкой по столу. – Пусть бы этот урод там еще сто лет лежал! Так нет же, тебе захотелось экологию улучшить! Улучшил, мать твою! Аквалангисты стали статую со дна поднимать, вот, наверное, Пугача и зацепили.

– Какую статую? – К кислому вкусу аспирина добавилась осиновая горечь. – Люсь, какую статую?!

– А догадайся с трех раз! Все думали, куда это батяня мой, царствие ему небесное, Даму девал! Думали, как и грозился, на переплавку отвез. А батяня мудрить не стал, спихнул статую в пруд – и все дела.

– А сейчас она где?

– В мастерской у Степаныча. Я тебе, Свирид, больше скажу, – Люся перешла на едва различимый шепот, – аквалангисты не только Даму нашли, но еще и каких-то ангелов. Прикинь?! Степаныч теперь в мастерскую жить переселился, отдраивает эту компашку от налета, возвращает к жизни... – Она вдруг запнулась, голубые глаза ее сделались большими и по-детски круглыми. – Ой, что я такое несу, Свирид?! Это ж фигня все, правда?

– Фигня, Люся! – Михаил решительно встал из-за стола.

– Ты куда? – Люся схватила его за руку. Пальцы ее, несмотря на жару, были ледяными.

– Пойду Степаныча навешу...

Дневник графа Полонского

20 июля 1913 года

Счастью моему нет предела! Уже который день не сплю, не ем из-за этого штормового, силы невероятной чувства.

Оленька жива! Не во сне жива, как мне чудилось, а на самом деле. Жива и уже почти в себя пришла, Илья Егорович шестой день от нее ни на шаг не отходит, микстурами какими-то отпаивает, порошками. С Ульяной, каргой старой, ругается, грозитя прогнать, да не прогоняет, потому как кормилица Оленькина теперь под моей защитой. Видно, не терпит она меня, смотрит из-под низко надвинутого платка сторожко, как собака, которая и хочет укусить, да не смеет, бормочет что-то себе под нос, руками костлявыми размахивает, да все норовит отварами своими колдовскими Оленьку напоить. Оттого-то Илья Егорович и сердает, оттого-то и гонит Ульяну прочь, да ведь она упрямая и хитрая: только доктор отвернется, а она уже тут как тут со своим зельем. Я не вмешиваюсь, знаю, что кормилица Оленьке моей зла не желает, вдруг да и поможет колдовское зелье.

А сегодня Илья Егорович со своими коллегами, из Санкт-Петербурга приглашенными, консилиум держал. Осматривали они Оленьку долго, больше двух часов кряду, а потом еще столько же между собой совещались, спорили. Я уже отчаялся их вердикт до ночи получить, но ученые мужи смиростивились.

– Летаргия, любезный мой Иван Александрович. – У столичного профессора по-стариковски дрожали руки, когда он протирали пенсне, но голос был звонкий, молодой. – Сие загадка есть великая и казуистическое явление.

– Летаргия? – Слово красивое, перекачивается на языке гладкими камешками, а что означает?

– А сейчас объясню, любезный мой Иван Александрович, дайте только с мыслями собраться. Летаргия – это такое состояние... ну, как бы попроще-то?! – Пальцы задрожали сильнее, и пенсне едва не упало на пол. – Вот, к примеру, представился человек, и всем думается, что он умер, потому как ни дыхания, ни сердцебиения, ни других витальных функций у него уже не прослеживается. Вот умер он, и похоронили бедолагу, того не ведая, что никакая то не смерть, а летаргия – сон глубочайший, от смерти не отличимый. До такой степени не отличимый, что даже наш коллега, глубокоуважаемый Илья Егорович, не увидел ничего подозрительного.

Илья Егорович кивнул седой головой, виновато улыбнулся, точно опасался, что в действиях его мне почудится преступный умысел. Не почудится, потому как я такой же преступник, как и он: тоже не увидел ничего, не почувствовал...

– Так и с Ольгой Матвеевной не смерть, а летаргический сон приключился. – Ученый муж посмотрел на меня поверх пенсне, спросил вкрадчиво: – А как так вышло, любезный мой Иван Александрович, что вы тревогу забили? Отчего догадались, что супруга ваша жива?

Догадался? Да не догадался я нисколько! Если бы не Ульяна, лежать бы Оленьке в сырой земле, умирать дважды страшной смертью. Но говорить о том не нужно – не поймут. У меня уже другой ответ приготовлен.

– Услышал... – Ох, тяжело врать, но по-другому никак. И без того по дому слухи один другого мерзостнее ходят. – Пришел на могилу и услышал. Сначала думал – почудилось, думал, рассудок от горя помутился, может, и ушел бы, коли б не Ульяна, Оленькина кормилица. Той тоже что-то послышалось: не то стон, не то шорох. Господа, ситуация выглядит дичайшим образом, но и вы меня поймите: любимую жену схоронить – это ж какая мука!

Ученые мужи согласно закивали седыми головами.

– И что же, Иван Александрович, сами решились могилу вскрыть?

– Сам! – Пусть уж лучшие думают, что я чужак и самодур. Пусть, я переживу, лишь бы Оленьку оставили в покое. – Вот этими собственными руками! – А под ногтями до сих пор грязь, все никак не было времени отчистить. – А Ульяна мне помогла как могла.

– Вовремя! Вовремя, я вам скажу, Иван Александрович, любящее сердце вам подсказало, как нужно поступить, потому как в этом деле промедление было бы смерти подобно, вы уж простите за каламбур. – Профессор коротко хохотнул, отчего реденькая его борода мелко, по-козлиному, затряслась. – Может, даже удумай вы за помощью в дом сходить или за инструментом, то по-другому все сложилось бы. Илья Егорович рассказывал, что супруга ваша уже находилась в асфиксическом состоянии.

– В каком состоянии? – вот и еще одно незнакомое слово, только злое, гадюкой шипящее.

– В асфиксическом. Простым языком – задохнулась бы она, умерла от нехватки кислорода. Но есть чудеса на свете!

– А теперь как же? – Я не хотел слушать про чудеса, я хотел узнать, поправится ли моя Оленька. – Как нам быть?

– Ждать, – развел руками профессор. – Все, что в ваших и наших силах, уже сделано. Теперь все зависит от того, какие у Ольги Матвеевны внутренние ресурсы, как быстро она сможет вернуться в прежнее свое состояние. Не стану скрывать, от длительной асфиксии могли нарушиться некоторые мозговые функции. Увы, ничего сказать наверняка невозможно, но вы не печальтесь, дорогой мой друг, организм у вашей супруги молодой, крепкий – даст бог, все будет хорошо.

Все будет хорошо – вот то, главное, что я хотел от них услышать, зачем вызвал их из Санкт-Петербурга, за что заплатил огромные, даже по столичным меркам, деньги. Все будет хорошо! Оленька поправится. Оленька не оставит меня больше никогда.

– И еще об одном мы должны вас предупредить, Иван Александрович. – В профессорском голосе мне вдруг почудилось недоброе, такое, от чего сердце забилося неровно и дышать сделалось тяжело. – Летаргия – заболевание загадочное, малоизученное, бывали случаи, когда приступы повторялись.

– Приступы? – Во рту вдруг сделалось горько, как после самой горчайшей микстуры.

– Приступы летаргического сна. – Профессор кивнул, и пенсне свалилось с длинного носа, упало ему на колени. – Но, как говорят, предупрежден, значит, вооружен. Если вдруг, упаси господь, с Ольгой Матвеевной снова случится что-нибудь подобное, вы одно должны знать, что эти страшные на первый взгляд симптомы – всего лишь проявление ее болезни.

– Я не должен ее хоронить? – Голос не дрогнул, но страшные слова дались тяжело.

– Да, – ученый муж расплылся в сочувственной улыбке. – Просто повремените несколько дней, наблюдайте. Если симптомов разложения не обнаружится...

Все же таки я не выдержал, рванул ворот сорочки так, что посыпались пуговицы, захрипел, точно сам погибал от удушья.

– Иван Александрович, друг сердечный, ну что же вы? Вот выпейте-ка! – На плечи легли мягкие ладони Ильи Егоровича, а перед носом появился стакан с чем-то едко пахнущим. – Выпейте, выпейте, сейчас полегчает. Мы понимаем, как дико все это звучит, но по-другому никак. И, ежели что, вы не говорите никому, выберите нескольких верных людей из прислуги, чтобы могли за Оленькой ухаживать да не болтать лишнего. Ну и меня, конечно же, сразу кликните. Уж вместе мы с Божьей помощью как-нибудь справимся.

А и то верно! Пусть Ульяна за Оленькой присматривает, эта точно лишнего не сболтает. Даст Бог, и не будет больше этих приступов...

* * *

Мелкий гравий неприятно поскрипывал под ногами, брызгал из-под подошв каменной крошкой.

– Черт! Надо будет распорядиться, чтобы заасфальтировали! Каблуки можно сломать! – Люся, покачиваясь на своих высоченных шпильках, чертыхалась всю дорогу от главного здания до подсобных строений, но не отставала, крепко держала Михаила за руку. – Свирид, ну на хрена тебе эти статуи? – спрашивала она, как заведенная.

– Посмотреть хочу. – Несмотря на выпитые таблетки, головная боль не проходила, и каждый шаг отдавался в его черепной коробке набатным звоном.

– А что там смотреть?! Хреновины зеленые! Я бы, знаешь, что? Я бы их на переплавку от греха подальше. Или в металлолом.

– Люсь, помолчи, – Михаил в раздражении мотнул головой и тут же об этом пожалел: боль сделалась нестерпимой.

К счастью и огромному его облегчению, бывшая замолчала, только буркнула что-то злое себе под нос.

Дверь, ведущая в мастерскую, была заперта изнутри, пришлось стучать в железные ворота и болезненно морщиться от каждого удара.

– Иду я, иду! Кто там такой нетерпеливый?! – наконец послышалось из недр мастерской.

Лязгнув засов, и в открывшемся дверном проеме показался шурящийся от яркого солнечного света Степаныч. Одет он был не в привычные парусиновые брюки и вручную расшитую косоворотку, а в изрядно замызганную спецовку, а в прижатой к груди руке держал ветошь.

– Миша? – широкое лицо Степаныча расплылось в улыбке. – Когда приехал?

– Да вот час назад. – Не дожидаясь приглашения, Михаил переступил порог. В мастерской было относительно прохладно, пахло древесной стружкой и еще чем-то едким, похожим

на химреактивы. – У вас тут прямо алхимическая лаборатория, – сказал он, всматриваясь в полумрак.

– Так уж и алхимическая, – усмехнулся Степаныч. – Так, шаманю от нечего делать. Тебе ж Люся уже все рассказала, раз приехал?

– Рассказала.

– И про Даму, стало быть, тоже рассказала?

– Не, Степаныч, я его просто так к тебе притащила, чтоб он ацетону нюхнул, – огрызнулась Люся. – Наш босс возжелал на Спящую даму посмотреть. Не насмотрелся в свое время, понимаешь.

Секунду завхоз рассеянно теребил зажатую в кулаке ветошь, а потом махнул куда-то в глубь мастерской:

– Там она, Миша. Я уже почти закончил. Идите гляньте, если хотите.

– Очень нужно! – Люся брезгливо огляделась вокруг, но руку Михаила не выпустила, двинулась следом.

С каждым шагом сердце ухало все громче и громче, словно подходил он не к статуе, а к любимой девушке. От непонятого волнения даже головная боль немного отступила. Статуя стояла у дальней стены, за пятнадцать лет она практически не изменилась. Нет, она стала еще красивее...

Женщина была прекрасна какой-то неживой, не присущей обычному смертному красотой. Тонкие черты лица, чеканный профиль, ямочка на подбородке, распущенные по плечам длинные волосы, наклон головы, такой, будто она хотела, но никак не решалась обернуться, вытянутые вперед не то в умоляющем, не то в предостерегающем жесте руки, струящееся, похожее на хитон платье, босые ноги с крошечными, почти детскими ступнями, тяжелый взгляд из-под полуопущенных век.

Михаил обошел статую, не решаясь коснуться тянущихся к нему тонких пальцев, всматриваясь в узнаваемые и одновременно незнакомые черты. Рядом с шумом втянула в себя воздух Люська, спросила севшим вдруг голосом:

– Свирид, а тебе не кажется, что это не совсем она?

– Что значит – не совсем? – Он обернулся, посмотрел на бывшую с интересом.

– Ну, у той глаза были закрыты, я это точно помню, – Люся попыталась оттащить его от статуи, – а эта, смотри, точно подглядывает.

– Может, свет падает под таким углом? – Михаил вежливо, но решительно высвободился из цепкой Люсиной хватки. – Обман зрения?

– Да какой там обман?! Она смотрит!

– Смотрит.

– А должна спать! Она ж Спящая дама, а не Смотрящая! Не, мужики, зря вы на батяню моего грешили, это не та статуя!

– Сейчас узнаем, та или не та. – Михаил присел перед Дамой на корточки, ногтем поскреб подол бронзового платья.

Выцарапанная гвоздем надпись «М+А=?» не оставила никаких сомнений, потому что он сам, собственными руками, пятнадцать лет назад накорябал на хитоне Спящей дамы это безобразие...

Люся присела рядом, посмотрела поверх плеча и презрительно фыркнула. Столько лет прошло, даже семейная жизнь уже позади, а она все не угомонится, никак не простит того, чего по большому счету и не было.

– Ну что? – послышался над их головами голос Степаныча. – Она?

– Она. – Михаил встал, еще раз внимательно всмотрелся в лицо Спящей дамы. А ведь права Люся, что-то со статуей не то. И дело не только в глазах. Разворот головы, кажется,

другой. И вытянутые руки не строго параллельны земле, как раньше. И в застывшей фигуре чудится то, чего и быть не может, – движение...

– Вижу, у тебя какие-то сомнения возникли. – Степаныч вплотную подошел к статуе, окинул внимательным взглядом от макушки до пяток. – Признаться, давненько я ее не видел, но и меня кое-что смущает.

– А если сравнить? – предложила рациональная Люся. – Ну, если сравнить статую со старыми фотографиями?

– А у тебя они есть? – в один голос спросили Михаил и Степаныч.

– Не помню, – дернула плечом Люся. – Надо у Петьки узнать. Это ж он у нас одно время с фотоаппаратом наперевес бегал, мечтал папарацци стать. Может, и сфоткал когда случайно...

– А мы иначе поступим. – Степаныч дернул себя за ус. – Когда графский дом было решено под клуб приспособить, я кое-какие архивные документы откопал. Не бог весть какое богатство, коли в хламе чердачном валялось, но помнится, были там эскизы и карандашные наброски.

– Чьи эскизы? – уточнил Михаил.

– Я не уверен, но думается мне, что самого Антонио Салидато.

– Это того самого, который ее сделал? – Михаил кивнул на статую.

– Не сделал, а сотворил! – поправил его Степаныч. – Это лодочную станцию или вот мастерскую можно сделать, а такую красоту можно только сотворить. Эх, жаль, неизвестно о нем ничего! Ведь, по всему виду, талантливый был скульптор.

– А Ангелы где? – вспомнил Михаил.

– Там, – завхоз махнул рукой в дальний угол, где стояло что-то накрытое брезентом. – Думал, с Дамой закончу, девочками займусь.

– Мы посмотрим? – Не дожидаясь разрешения, Михаил направился к статуям, потянул за край брезента.

Ангелы... Девочки лет двенадцати, похожие друг на друга как две капли воды и чем-то неуловимым – на Даму. Кудрявые головки запрокинуты к небу, ладошки сложены в молитвенном жесте, за спинами – бронзовые крылья.

– Мишка, тебе не кажется, что они плачут? – спросила Люся и осторожно погладила одну из статуй по щеке.

– Плачут, – за него ответил Степаныч. – Они же Ангелы скорби.

– А похожи на обыкновенных детей.

– Потому и похожи, что в память о детях были созданы. Что ж ты, Люся, историей совсем не интересуешься! – завхоз неодобрительно покачал головой. – Это же не простые ангелы, это Анастасия и Лизавета – дочери графа Полонского.

– Для дочек мог бы и повеселее скульптурки заказать, – хмыкнула Люся. – А то не статуи, а надгробия какие-то!

– Про надгробия это ты верно подметила. Ангелы эти должны были стоять на могилах девочек, но в последний момент граф передумал, распорядился, чтобы статуи установили в саду.

– Могилах?! – Люся удивленно приподняла тонко выщипанные брови. – Они ж еще маленькие совсем. Что ж с ними стало такое?

– Утонули, – коротко ответил Степаныч и отошел от статуй. – Я сегодня с Дамой закончу, а завтра за них возьмусь. Красивые же, что ни говори...

– Красивые, только на хрена они нам нужны? – Люся перевела взгляд с Ангелов на Даму. – Если на кладбище им место...

– В парке установим, – сказал Михаил и осторожно коснулся бронзового крыла. – Степаныч, давай-ка заглянем в твои документы и эскизы, вдруг там указано, где конкретно они стояли.

– В парке?! – возмутилась Люся. – Надгробия в парке! Свирид, ты вообще в своем уме?!

– Не надгробия, а статуи, – поправил он мягко.

– А хрен редьки не слаще! На кой ляд в парке два рыдающих ангела?!

– И Даму тоже вернем на прежнее место. – Михаил провел рукой по лбу.

– Не, Свирид, ты точно сдвинулся со своими психами! Ты забыл, что ли, что тут пятнадцать лет назад творилось?! Забыл, что она, – Люся ткнула пальцем в сторону Дамы, – тут творила?

– Не она, а Пугач. – Михаил посмотрел на бывшую так, что у той пропало всякое желание пререкаться.

Он не часто позволял себе быть непреклонным, большей частью уступал, но уж если что-то казалось ему по-настоящему значимым, последнее слово оставалось не за горластой и взбалмошной Люсей, а за ним. Михаил не осознавал, как это у него получается, просто принимал как данность свой талант убеждения, хотя глубоко в душе понимал, что это не убеждение вовсе, а что-то более серьезное, способное апеллировать не к разуму, а к подсознанию оппонента. Об этой его способности знал Борька Сизов. Знал и даже пытался использовать в корыстных целях, на благо общего бизнеса. Но в корыстных целях у Михаила не получалось. Он вообще не всегда мог контролировать этот ледяной, где-то в самой глубине души рождающийся поток. Учился самоконтролю всю жизнь и многого, надо сказать, достиг, но иногда срывался, на какое-то время выпадал из реальности, а когда приходил в себя, оказывалось, что вслед за собой, в другую реальность, он утаскивал и собеседника, которого потом приходилось извлекать на поверхность, как пойманную рыбу, осторожно выводить из трансового состояния. Результат таких вот погружений всегда был одинаков: оппонент враз соглашался с доводами Михаила, принимал все условия и, казалось, сам удивлялся своей сговорчивости.

В такой категоричной манере ведения дел Михаилу виделась некоторая подлость, поэтому сознательно к подобным трюкам он не прибегал уже много лет, а бессознательные свои порывы старался держать под контролем. Но даже той тоненькой, в волос толщиной, ледяной струйки, которой он давал ход, хватало, чтобы без особых физических и душевных затрат поставить на место кого угодно, даже несговорчивую Люсю.

– Так-то оно так. – Степаныч, который в этот самый момент на Михаила не смотрел, а возился возле Дамы, обернулся, с сомнением покачал головой: – Да только народу ведь это не объяснишь. Многие ведь до сих пор думают, что все из-за нее началось.

– Василий Степаныч, – Михаил устало прикрыл глаза, – ну вы-то хоть мне сказки не рассказывайте. Мы же с вами цивилизованные люди и прекрасно понимаем, что статуя к произошедшему не имеет ровным счетом никакого отношения, что это все плод больной психики.

– Чьей больной психики? – поинтересовалась Люся, но как-то вяло, без присущего ей задора.

– Пугача. Сколько экспертиз тогда было проведено, сколько следственных экспериментов! Ведь доподлинно было установлено, что все это дело рук человеческих.

– Ага, человеческих, – отмахнулась бывшая. – Ты, Свирид, Глашке нашей расскажи про дела рук человеческих. А то она что-то до сих пор верит, что Дама к тем делам тоже причастна. Да если хочешь знать, она статуи этой испугалась сильнее, чем черепушки Пугача.

– Когда? – Во рту вдруг сделалось сухо, и руки предательски задрожали.

– Что – когда? – Люська досадливо покачала головой и сказала: – Эх, Свирид, не зря я с тобой развелась. Надо было раньше, да все, дура, надеялась...

– Приехала наша Аглая к бабке погостить, – поспешил вмешаться в разгорающуюся ссору Степаныч. – Петру рассказывала, что надоели ей заграницы, захотелось на родину...

– Надоели заграницы! – проворчала Люся. – Цаца такая! Нет, Степаныч, ну скажи, что цаца! Прирулила вся такая на понтах, смотрит на всех свысока, а сама одета, как бомжара последняя, в рванину какую-то. Еще звездой себя мнит. Нет, вы еще попомните мои слова

– поперли нашу Глашку из звезд, вот она и приехала раны зализывать. А ты, Свирид, не теряйся, сходи, проконсультируй старую знакомую. Ей твоя консультация очень даже пригодится, потому что она ж больная на всю голову!

– Люся! – с укором сказал Степаныч.

– А что – Люся?! В детстве была придурочной и сейчас ку-ку! – Бывшая повертела указательным пальцем у виска. – А знаешь что, давай ее в пансионат позовем. Можешь ей скидочку сделать по старой дружбе и в мозгах ее куриных заодно покопаешься.

– Помолчи, – сказал Михаил с угрозой в голосе. – Люся, очень тебя прошу.

– Так что со статуями будем делать? – нарочито громко спросил Степаныч.

– В парке поставим. Сверимся с вашими эскизами и поставим. А сейчас, прошу меня извинить, мне пора!

Михаил торопливо шел по гравийной дорожке, а вслед ему неслись злые Люсины слова:

– Ну и иди! Ну и скатертью дорога!

Дневник графа Полонского

29 июля 1913 года

Сегодня весь день провел с Оленькой. Гуляли по парку, спускались к пруду. Специально к этому случаю распорядился, чтобы вечером парк фонариками расцветили. Получилось красиво, сказочно. Лизоньке с Настенькой фонарики очень понравились, девочки хлопали в ладоши, смеялись ангельским своим смехом. Крохи еще совсем, а уже так на мать похожи.

Оленька меня благодарила, улыбалась и даже пробовала играть с девочками. Да только видел я, что тяжело ей. Вроде бы и силы вернулись, и румянец на щеках заиграл, а блеск из глаз пропал. И резвости прежней не стало. Часами может за пяльцами с вышивкой просидеть или на скамейке у пруда. И все недвижимо, точно статуя. Дорого бы я дал, чтобы узнать, о чем она думает, какие незримые картины видит. Да только нет мне ходу в ее царство. И мотылек, мой давешний проводник, куда-то улетел...

После того что с Оленькой приключилось, я многое прочел: и про душу, и про ее земное воплощение. Хочется мне думать, что мотылек – это не просто букашка, а спасенная из страшного плена Оленькина душа. Видать, становлюсь сентиментальным на старости лет...

А Илья Егорович метафизики не признает, говорит, времени прошло слишком мало, не оправилась еще Оленька от болезни, оттого и странности. Это он мне советовал свозить жену на курорт, чтобы развеялась, забыла то страшное, что с ней приключилось.

Решено! Управлюсь с делами – и отправимся мы в Карловы Вары на воды. Оленька моя еще ни разу за границей не была. Вот пусть посмотрит, подивится на заграничный курорт...

* * *

– Глаша, да что ж ты не ешь ничего?! Это кому ж я вареников наготовила?! – Баба Маня села напротив, подперла кулаком щеку, посмотрела на Аглаю внимательно и одновременно настороженно.

– Я ем. – В подтверждение своих слов Аглая подцепила вилкой вареник, но не рассчитала: вишневый сок брызнул во все стороны, запятнал нарядную, вручную расшитую баб-Манину скатерть. «Как кровь», – подумалось некстати, и от мыслей этих Аглаю затошнило.

– Постираем, – бабушка ногтем поскребла вишневое пятно. – Сейчас в магазине чего только не найдешь, купим какой-нибудь пятновыводитель.

Да, видно, совсем Аглая хреново выглядит, если первейшая на всю Антоновку чистюля баба Маня так быстро смирилась с испорченной скатертью. Надо взять себя в руки и не раскисать.

– Поем и схожу в магазин. – Аглая улыбнулась бодро и почти искренне. – А не найду пятновыводитель, так куплю новую скатерть. Невелика проблема!

– Ишь, привыкла у себя в городе деньгами швыряться, скатерти новые покупать, – беззлобно проворчала баба Маня. – Не надо мне новую, я и со старой как-нибудь век скоротаю. Лучше хлеба купи, если уж надумала идти. Только много не бери, полбуханки хватит. Ты ж у нас мучное отчего-то не ешь, а мне и половинки за глаза хватит. Вареники-то хоть вкусные?

– Вареники шедевральные!

Чтобы порадовать бабушку, Аглая плюхнула к себе в тарелку аж три столовые ложки сметаны – свою недельную норму, – поверх, не жалеючи, сыпанула сахара. Получилось сладко, калорийно и очень вкусно. Впрочем, не с ее комплекцией беспокоиться о лишнем весе. Ей бы парочка лишних килограммов не помешала.

Аглая уже почти управилась с варениками, когда баба Маня решила перейти к главному:

– Глаша, а ты точно его видела?

– Кого? – спросила она с набитым ртом.

– Да ирода этого – Пугача. – Баба Маня торопливо перекрестилась.

– Видела, – кивнула Аглая.

– А это точно он был? Ты уверена?

– Он самый. На черепе заплатка металлическая, точь-в-точь как у него. У нас же в деревне больше ни у кого такого украшения не было.

До чего ж неприятный разговор, но лучше покончить со всем этим раз и навсегда. Было и быльем поросло. Как там? Пусть прошлое хоронит своих мертвецов?.. Вот пусть и хоронит, а у нее есть дела поважнее: пятно вон от вишен надо застирать...

– Ну и слава богу! – Баба Маня провела ладонью по собранным в тугой пучок седым волосам. – А то ж в деревне до сих пор разное болтали. Кто говорил, что милиционеры тогда Пугача поймали и на опыты научные забрали. Кто – что утек он той ночью и продолжает...

– Не утек! – Аглая протестующе мотнула головой. – Все, бабуля, успокойся. Нет больше Пугача. Точно нет.

– А статуя? – По голосу было слышно, что до настоящего успокоения бабе Мане еще очень далеко.

– А что – статуя? – в тон ей спросила Аглая.

– Что со статуей-то решили сделать?

– Да откуда ж мне знать, что решили?! – Неожиданно для себя она рассердилась. – Сама ж говорила, что у усадьбы теперь новые хозяева есть, вот пусть они и решают, по-семейному.

– Как это – по-семейному? – Баба Маня удивленно сощурилась.

– Да так. – Аглая пожала плечами. Зря она вообще ввязалась в этот неприятный разговор. – Санаторий же – это семейный бизнес, мне Люська Самохина так сказала. Ну, что у них со Свиридом... с Мишкой Свириденко семейный бизнес.

– Люська сказала! – баба Маня всплеснула руками. – А ты, дуреха, до сих пор, что ли, этой балаболке веришь?! Врет она все! Никакой это не семейный бизнес, все Мишке принадлежит, а вертихвостке этой он дал поруководить по старой памяти.

– По-семейному, – мрачно уточнила Аглая и сама удивилась этой своей мрачности. Ну руководит Люська семейным бизнесом, а ей-то что за беда?!

– Не по-семейному, а вот именно что по старой памяти. – Баба Маня встала из-за стола, принялась убирать тарелки. – Они уже больше года в разводе, а Люська до сих пор считает себя королевой, на кабриолете своем по деревне носится, кур давит, детишек пугает, точно ей одной тут все принадлежит. Ох, Борисович, царствие ему небесное, распустил девку! – Она неодобрительно покачала головой. – Вожжами ее в свое время нужно было учить, глядишь, и вышла бы путная девица, а так выросло не пойми что – кукла разряженная. Наши-то до сих пор дивятся, что Миша в ней нашел. Ведь всегда такой серьезный был, вежливый, здоровался со всеми, не пил, не курил...

Аглая усмехнулась, пожалуй, «не пил, не курил» было самым главным критерием, по которому баба Маня оценивала мужиков. Да и не одна баба Маня, что уж там. А если мужик еще и вежливый да серьезный, такому цены нет.

– А Михаил эту вертихвостку до сих пор на своем горбу тащит. Зинка, продавщица, говорила, что алименты ей какие-то после развода платит. Дурак мужик, детей не нажили, а алименты платит.

– Пойду-ка я в магазин, пока на обед не закрылся! – Аглая встала из-за стола, чмокнула бабу Маню в щеку. – Посуду сама помоешь?

– Иди уж! – Бабушка махнула рукой и поспешно добавила: – Только дорогое и заграничное не покупай. Наше бери. Наше ничем не хуже.

Выйдя за калитку, Аглая постояла секунду-другую в раздумьях и пошла по пыльной, щедро сдобренной коровьими лепешками дороге к средоточию сельской жизни – магазину. Раньше магазин, как и положено средоточию, располагался в географическом центре Антоновки, но после появления по соседству стремительно растущего дачного поселка какой-то заезжий бизнесмен организовал вполне приличный универсальный магазинчик аккурат между двумя населенными пунктами. В магазинчике продавалось все самое необходимое как для сельской, так и для дачной жизни, но особым разнообразием впечатлял винно-водочный ассортимент, представленный как дешевой бормотухой непонятного розлива для неприхотливых селян, так и дорогими марочными коньяками для зажиточных дачников. Бизнесмен оказался мужиком оборотистым, быстренько сманил продавщицу Зинку со старого места работы на новое, и с тех пор лишившееся хранительницы селы стремительно теряло клиентов и прибыль, верными ему оставались лишь старожилы из тех, кому добираться до нового магазина было не по возрасту и не по силам.

Аглая не считала себя патриотом и хранителем традиций и потому направилась не к старому, а к новому магазину. Несмотря на полуденную жару, шагать по пыльной деревенской дороге было легко, и даже источаемое подсыхающими на солнце коровьими лепешками амбре не раздражало привыкший к куда более утонченным ароматам нос. Сквозь стекла солнцезащитных очков мир виделся в приглушенных красках, а встречающиеся по пути ребятишки казались загорелыми до угольной черноты. Поддавшись уговорам бабы Мани, Аглая оделась «прилично» – в льняной сарафан, сандалии и соломенную шляпку. Общее благолепие портила лишь татуировка готовящейся к прыжку кошки на левом плече, но тут уж бабушка поделаться ничем не могла, хоть и не единожды выговаривала Аглае, что приличные девушки шкуру непотребными картинками не портят. Выходило, что Аглая – девушка неприличная, с попорченной шкурой, но факт этот ее несколько не расстраивал. В пасторальной картинке сельского быта ей не хватало лишь одного – вертящегося под ногами да облаивающего наглых деревенских кошек Паркера. Паркер, несмотря на свою почти королевскую родословную и принадлежность к собачьей богеме, деревенский быт любил и, гоняя сонных кур в баб-Манином дворе, чувствовал себя куда счастливее, чем в московской Аглаиной квартире.

От воспоминаний на глаза навернулись слезы. Чтобы не раскиснуть окончательно, Аглая закурила. Еще в юности, с тех самых пор, как попробовала первую в своей жизни, дешевую и до безобразия горькую сигарету, она решила для себя, что курящая на ходу женщина – это беда,

моветон и форменное безобразие. Курение – это что-то вроде ритуала, акт в некотором смысле интимный, который нельзя совершать на бегу, размахивая папироской и смущая прохожих. Да и бабе Мане будет неприятно, если сельчане доложат, как безобразничает ее единственная внучка. По этим причинам Аглая огляделась в поисках какого-нибудь укромного местечка. На глаза попала старая, раскидистая яблоня, растущая чуть в стороне от дороги. Под деревом кто-то, скорее всего местная молодежь, устроил импровизированную скамейку из толстого соснового бревна.

В предположении своем Аглая не ошиблась: земля под яблоней была усыпана шелухой от семечек и окурками. Не самое изысканное место для столичной знаменитости, но за неимением лучшего сойдет. Она присела на бревно, вытянула перед собой ноги, затянулась сигаретой и прикрыла глаза, чтобы не видеть творящееся под ногами безобразие. С опущенными веками было хорошо, окружающий мир казался далеким и нереальным, напоминал о своем существовании лишь свежим запахом недозрелых яблок, звонким стрекотом кузнечиков и гулом проносящихся по дороге машин. Сидеть бы так и сидеть...

– Аглая? – Мужской голос заставил вздрогнуть, захлебнуться сигаретным дымом.

Кого еще принесла нелегкая?

Нелегкая принесла человека, которого ей хотелось видеть меньше всего. Михаил Свириденко переминался с ноги на ногу в метре от Аглаи, смотрел сверху вниз таким взглядом, словно не был до конца уверен, что это она и есть. Можно подумать, она сильно изменилась! А вот он за пятнадцать лет, что они не виделись, изменился до неузнаваемости, из рыхловатого, неуклюжего увальня в смешных очках превратился в крупного поджарого мужика, дорого одетого, без очков. Операцию на глазах сделал или, может, носит контактные линзы?

– Аглая, это же ты, правда? – И голос другой – ниже и гуще. А вот взгляд не изменился нисколько: все такой же внимательный, с близоруким прищуром.

– Это правда я. – Аглая сняла солнцезащитные очки, посмотрела выжидающе.

Заводить светскую беседу с хорошим парнем Мишей Свириденко ей совсем не хотелось, а вот курить захотелось с еще большей силой. Пришлось пожертвовать последней сигаретой в пачке. Не беда, в магазине купит еще.

Свирид не помог даме прикурить, даже не шелохнулся. Да и с какой стати? Он никогда не курил, у него, скорее всего, и зажигалки нет. И вообще, хорошие парни не гробят свое драгоценное здоровье никотином, ведут здоровый образ жизни, увлекаются натуропатией, спортом и утренними пробежками. И даже если хорошие парни совершают некрасивые поступки, то исключительно под благовидным предлогом...

– А я как раз мимо проезжал, вижу – ты сидишь. – Не дожидаясь приглашения, Свирид уселся рядом.

Аглая вдохнула ненавязчивый, но явно недешевый запах его парфюма, прикурила и выпустила идеально ровное колечко дыма. Вопреки ожиданиям он не поморщился и не отодвинулся, как поступил бы любой нормальный борец за здоровый образ жизни, и это отчего-то разозлило.

– Так вот прямо и подумал – а не Глашка ли это Ветрова на завалинке загорает? – спросила она резко. – Вот прямо так и узнал меня спустя столько-то лет?!

– Узнал. – Он застенчиво улыбнулся, и, удивительное дело, улыбка добавила ему мужественности. Хотя куда уж больше! Откуда что взялось?! Был ботаник-очкарик, а стал бизнесмен и мачо. Только вот взгляд... – Мне Степаныч сказал, что ты к бабе Мане приехала, вот я и...

– Решил в гости зайти, вспомнить былое? – Аглая стряхнула пепел на землю, посмотрела на растерявшегося Свирида в упор. – А не боишься, что я ведь и в самом деле могла кое-что вспомнить или запомнить? А может, ты затем и приехал?! – Пальцы задрожали так, что сломалась сигарета. Аглая чертыхнулась, отшвырнула окурочку, растерла носком сандалии.

– Столько времени прошло, – он задумчиво покачал головой, – я думал, ты другой стала.

– А я и стала! Ты что же, разницы не замечаешь?

– Ничего не изменилось. – Свирид встал, стряхнул с брюк несуществующие соринки. – Аглая, я до сих пор не могу понять, что тогда случилось, почему ты со мной так.

– Михаил, – она тоже встала, нацепила на нос очки, отгородилась от его пронзительного, в самую душу заглядывающего взора, – ты мне жизнь спас, я тебе за это по гроб жизни буду благодарна. Ты пойми, я ведь только поэтому до сих пор никому ничего не рассказала. Но на этом все, я расплатилась с тобой своим молчанием, и на большее не рассчитывай. Пора мне!

Аглая шагнула из густой яблоневой тени под яркое солнце, но в тот самый момент Свирид поймал ее за руку, сжал не больно, но крепко. От его взгляда, пронзительного, незнакомого, не спасли бы ни одни солнцезащитные очки в мире, и она дернулась, пытаясь высвободиться, уйти прочь от этого посланного ее страшным прошлым человека.

– Аглая, как ты себя чувствуешь? – Голос обманчиво мягкий, успокаивающий, а лед во взгляде не тает, расцветает морозными узорами по бледно-голубой радужке, оседает инеем на длинных девичьих ресницах.

– Хорошо я себя чувствую! – Ей все-таки удалось выдернуть руку. Да что толку, если из этого снежно-морозного плена не освободиться никак?! – А буду чувствовать еще лучше, если ты уберешься с моего пути!

– Аглая, ты знаешь, я ведь психиатр, хороший психиатр.

– Да будь ты хоть Юнгом и Фрейдом в одном лице, мне-то что с того? – Неожиданно на помощь пришла злость. Злость помогла сдерживать этот ледяной натиск, растопила ненавистные морозные узоры.

– Я бы мог тебе помочь.

– Помочь? Ты мне?! – Это что же, он ей даже не намекает, а прямым текстом говорит, что она ненормальная? Профессиональную помощь предлагает, лицемер проклятый... – Спасибо, как-нибудь обойдусь, – дернула плечом Аглая.

– Ведь не прошло же ничего. Это до сих пор с тобой случается. – Не слова, а удар под дых, жестокий, беспощадный. Дышать нечем, и сердце готово выпрыгнуть из груди.

Случается, до сих пор случается....

– Пошел к черту!

Все, не оборачиваться, не слышать тихого, с выверенными профессиональными интонациями голоса, не смотреть в глаза. У нее дела: ей нужно купить пятновыводитель и половинку хлеба, и обязательно пачку сигарет. А лучше две...

– Аглая. – Расстояние глушит голос, но не уничтожает слова. – Если ты решишься, я буду ждать...

Дневник графа Полонского

15 сентября 1913 года

Вчера вернулись! Как же радостно сменить, наконец, унылую европейскую пристойность на бесшабашную российскую разухабистость! Дома хорошо, привольно, даже дышится по-другому, полной грудью. Не думал, что буду так тосковать по родине. О дочках вспоминал каждый день, даже во сне видел несколько раз, а про поместье вроде и не думал, а поди ж ты, стоило только дом увидеть, как сердце от радости занялось. Захотелось выпрыгнуть из кареты и бежать, бежать, как когда-то в раннем детстве. Но не пристало графу Полонскому козликом молодым скакать, да и годы уже не те.

Ульяна вывела Лизоньку с Настенькой на крыльцо. И как только догадалась, что мы едем? Все больше утверждаюсь в мысли, что есть в Оленькиной кормилице что-то ведьмовское, обычному человеку неподвластное.

Как же они подросли, мои любимые доченьки! Лизонька вытянулась сильнее, зато у Настеньки щечки круглее. Обе красавицы, а уж какие умницы! Как увидели нас с Оленькой, так защебетали, как птички, кинулись целоваться.

Обнимал дочерей, а сам все на Оленьку смотрел, как она с девочками встретится, загорится ли тем внутренним светом, который видел я в ней все эти годы и который нынче точно погас.

Улыбнулась, обняла, поцеловала сначала Лизоньку, потом Настеньку, по головкам кудрявым погладила, а на Ульяну, кормилицу свою, даже и не взглянула. Может, не захотела перед прислугой чувства истинные показывать, может, в доме, в уединении, все иначе будет. Только вот беспокойно на душе. Мне Ульяну нисколько не жалко. Сказать по правде, боюсь я ее, каргу старую. Как зыркнет цыганским глазом, так сердце и останавливается, но ведь кормилица же, с младенчества при Оленьке, любит ее, точно мать родная. За что ж к ней так-то холодно?

Да и не только к ней. Давно замечаю, как сильно переменялась моя супруга. Не помог курорт с его весельем и целебными водами, стала моя Оленька царевной-несмеяной. Не хочу думать, что страшный прогноз столичных эскулапов может сбыться, что повредила моя любимая девочка умом... Может, отвезти ее в Санкт-Петербург? Вдруг в первый раз профессора что-то важное упустили, вдруг лечение какое нужно, а я не знаю...

* * *

Сегодняшний день для Люси выдался особенно скотским, не заладился с самой первой минуты. Во-первых, она проспала. Еще с вечера завела будильник на семь утра, а он, зараза, не сработал, и проснулась она только в начале девятого. Свирид, ясное дело, ничего не скажет, но посмотрит этим своим особенным взглядом, от которого мурашки по коже, а уж что подумает, одному богу известно. Плохо это для ее нового имиджа, очень плохо. Что ж она за бизнес-леди такая, если позволяет себе опаздывать?!

Во-вторых, любимый «Мерседес», ярко-красный, навороченный, с первой минуты горячо любимый, вдруг не завелся, и на работу пришлось пилить пешком, по пылище, на десятисантиметровых шпильках. Можно было, конечно, позвонить Свириду, он бы не отказал, заехал бы как миленький, но проклятая гордость не позволила. Она теперь самостоятельная и свободная, она теперь все-все будет решать сама.

В-третьих, когда Люся доковыляла наконец до усадьбы, ноги ее были стерты в кровь, а кабинет, который она считала своей неделимой территорией, оккупировали Свирид со Степанычем. Мало того что пропала последняя надежда проникнуть на территорию незамеченной, так еще и не переобуешься теперь в другую, более удобную обувь. Не станет же она демонстрировать свою слабость?!

Было еще и «в-четвертых»: эти двое мало того что без спроса вторглись в Люсины владения, так еще и устроились за ее столом, разложили на нем какие-то бумажки и писульки, уперлись в стеклянную столешницу своими немытыми лапами.

— А что это вы тут устроили?! — Люся с детства усвоила, что лучшая защита — это нападение. Сейчас главное — не дать врагу опомниться и пойти в контратаку. — Свирид, что за свинство такое — вламываться в чужой кабинет без спросу?

— Прости, — буркнул он, не оборачиваясь, — просто твой кабинет единственный, который выходит на теневую сторону и где есть кондиционер.

Значит, кондиционер наконец починили. Ну хоть одна хорошая новость за все утро.

– А что это у вас тут? – Стараясь не хромать, Люся подошла к столу. – Чертежи какие-то, карты...

– Да вот, думаем, где будем зимний сад разбивать, – в усы прогудел Степаныч.

– Какой еще зимний сад?! – Вот тебе и «в-пятых»! – Тебе, Мишенька, парка мало?

– Пока достаточно, но придет зима, и стрессоустойчивость наших пациентов резко понизится, а общение с природой гармонизирует, – проинформировал Свирид.

– Вот и пусть себе общаются с природой в парке! На хрена зимний сад? Ты подумай, это ж возни сколько! Застройку согласуй, строителей найми, ландшафтных дизайнеров и прочих огородников пригласи, лютики-цветочки высади, а потом еще тридцать три года жди, пока все это добро примется и заколосится! Свирид – выброшенные деньги, я тебе говорю.

– Я ему, Людмила, то же самое говорю, – поддержал ее Степаныч. – Повременили бы, пообжились, а уж там решили бы, нужна эта теплица или нет.

– Не теплица, а зимний сад, Василий Степанович. – Свирид посторонился, подпуская Люсю к столу. – Нет смысла ждать. На счете еще остались кое-какие средства, я прикинул – должно хватить. Если начнем прямо сейчас, к зиме уже все будет готово. А лютики-цветочки, как изящно выразилась Люся, можно купить уже готовые и пальмы, кстати, тоже. Затрата на специалиста-огородника разовая, а дальше возьмем в штат садовника. Можно даже кого-нибудь из местных. Организуем ему курсы, подучим, и пусть себе человек работает.

По всему выходило, что Свирида не переубедить. Этот уж если втемяшил себе что в голову, бесполезно отговаривать. Но у Люси оставался один контраргумент.

– И как ты себе все это представляешь? К нам через неделю первые клиенты подъедут, а у нас тут стройка в разгаре! Пилят, стучат, землю роют – вот веселуха!

– Люся, мы до осени не откроемся, – Свирид вдруг нахмурился.

– Это еще почему? Я с Петькой вчера разговаривала, он сказал, что дело, скорее всего, сдадут в архив, с этим никаких проблем не будет.

– А оборудование? Люся, у нас же не готово ничего!

– Не готово?! – она задохнулась от обиды. – Да ты вокруг оглянись: все новенькое, сияющее, номера сплошь люксовые, дорожки в парке отремонтированы, пруд вон даже почищен!

– А оборудование? А медицинское обеспечение? – Свирид говорил тихо, но чувствовалось, что он едва сдерживается. Люся знала такие моменты, знала и боялась. Злился ее бывший супруг редко, но метко. – Люся, у нас же даже заземления нет в физиотерапевтическом отделении и щит распределительный раскуроченный стоит. Первая проверка – и все, нас лишат лицензии. К жилым помещениям у меня никаких претензий нет, но в медицинском крыле нужно переделывать всю электрику, а это большой кусок работы. Пойми же ты наконец, это не пансионат и не гостиница, это медицинское учреждение со всеми вытекающими. Нельзя нам тут спустя рукава работать.

Это она, что ли, спустя рукава? Да если бы не она, этот чертов дом вообще бы никогда до ума не довели! Сколько она билась, сколько нервов и сил угробила, а сейчас выходит, что делала все тяп-ляп! От горькой обиды на глаза навернулись слезы, чтобы Свирид не видел, Люся отошла к окну.

– Я с себя ответственности тоже не снимаю, – сказал он устало. – Нужно было чаще приезжать, не взваливать все на твои плечи. Но теперь уже все, что сделано, то сделано, открытие центра переносится на осень. И вот чтобы не сидеть без дела, предлагаю обратить внимание на зимний сад.

– И где ж ты его собираешься устроить? – Люся украдкой вытерла так и не пролившиеся слезинки и обернулась.

– В парке, вот тут. – Свирид ткнул пальцем в план участка. – Считаю, это самое подходящее место. Деревья здесь старые и больные, спецы настоятельно рекомендовали их спилить. Ну вот, спилим и организуем зимний сад.

– И клиенты будут топтать в твой зимний сад по морозу, – хмыкнула Люся, всматриваясь в план. – Свирид, я понимаю, что тут недалеко совсем от дома, но кому ж захочется из тепла да в холод, чтобы потом цветочки понюхать.

– А мы подвал задействуем, – улыбнулся он. – Мы со Степанычем уже спускались, смотрели. Сделаем подземный переход: вход – в подвале, выход – уже в саду. Вот и не придется по холоду.

– Так еще и подземные ходы будем рыть? Мало нам работы.

– Рыть ничего не будем. Тут под домом когда-то уже был переход, ведущий в старую часовню. Часовню во время революции разрушили, а ход за каким-то чертом замуровали. Разберем кладку, приведем там все в порядок, облицуем плиткой, или нет, лучше каким-нибудь поделочным камнем, чтобы было похоже на грот.

– Как у тебя все легко получается: разберем кладку, облицуем стены! – Люся скосила взгляд на свои истерзанные модельными босоножками ступни: похоже, придется наплевать на красоту и переобуться в шлепанцы. Вон как натерла, аж до крови. – А вдруг весь переход завален? Что тогда? Будем туннели рыть, как кроты? И вообще, с чего ты взял, что подземный ход вообще есть?

– Прочел в архивных записях.

Вот те номер! Оказывается, не только Степаныч, но и Свирид историей увлекается, в архивных записях роется. Лучше бы он с таким же вот рвением занимался семьей, глядишь – и не развелись бы.

– Люся, стену разобрать не проблема. Если там завал, попробуем расчистить, а если не выйдет, тогда будем строить надземную галерею. Это, конечно, затратнее получится и хлопотнее, но я пока не теряю надежды. В любом случае послезавтра уже станет ясно, завален проход или нет. Я созвонился кое с кем, обещали прислать квалифицированных ребят.

Созвонился! Сам созвонился, через ее, Люсину, голову, даже не посоветовавшись. Видно, решил показать, кто тут на самом деле хозяин. Ну и пусть! Вот попробует сам, посмотрит, каково ей тут приходится. Это ему не с психами в бирюльки играть, тут еще и головой думать нужно.

Люся сбросила ненавистные босоножки, босиком прошла к своему креслу и с наслаждением вытянула ноги. А пусть делают что хотят, она умывает руки.

– Значит, с подвалом все решено? – Свирид если и заметил ее недовольство, то виду не подал, принялся убирать со стола бумаги. – Степаныч, ну пойдемте, глянем, как там статуи устанавливают.

– Зря ты все это затеял. – Все-таки она не удержалась, проявила заинтересованность.

– Ты про зимний сад? – уточнил он.

– Я про Даму. Зачем тебе это все нужно? Ну, пролежал этот металлолом под водой пятнадцать лет, пусть бы еще столько же лежал. Ты забыл, что ли, чем в прошлый раз все закончилось?

– Люся, – Свирид посмотрел на нее удивленно и лишь самую малость осуждающе, – ты же умная женщина, а веришь во всякую небывальщину.

– Верю! – не сдавалась она. – Верю, потому что дыма без огня не бывает. Раз говорят, что статуя проклята, значит, проклята! Степаныч, ну хоть ты бы меня поддержал, – Люся обернулась к завхозу. – Ну что там в твоих исторических документах сказано про эту Спящую даму? Ведь сказано же что-то, я уверена.

– Сказано. – Степаныч с кряхтением встал из-за стола, посмотрел в окно. – Сказано, что после установки статуи в поместье одна за другой начали случаться трагедии.

– Какие конкретно трагедии? – Люся решила не сдаваться. – Конкретизируй, Степаныч, для особо скептических товарищей.

– Да нечего конкретизировать, – завхоз развел руками, – намеки одни. Мол, участились случаи необъяснимых смертей и самоубийств. Доподлинно известно, что тела находили либо в пруду, либо у подножия статуи.

– Видишь! – Люся с вызовом посмотрела на Свирида. – Даже сто лет назад от нее были сплошные неприятности! Батяня мой, убежденный атеист, и тот предпочел от статуи избавиться.

– И это в некотором смысле варварство, – пробурчал в усы Степаныч. – Нельзя так с памятником культуры.

– А где написано, что это памятник культуры? Покажи бумажку! Обычная парковая скульптура. Да ей цена – копейка в базарный день. Я б ее на переплавку...

– Люся! – Свирид хлопнул ладонями по столу, и на прозрачной поверхности остались отпечатки его пальцев. Люсю передернуло. – Все, мы с Петром Степановичем уходим, а ты как хочешь, можешь оставаться здесь.

Вот ведь осел упрямый, совсем свихнулся с этими своими психами!

– Я с вами! – Люся решительно встала, направилась было к выходу из кабинета, но вовремя вспомнила, что босая, вернулась к шкафу, сунула ноги в негламурные, но очень удобные шлепанцы.

К их приходу две из трех статуй уже были установлены на площадке между парком и прудом, недалеко от ажурной каменной беседки. Ангелы, очищенные от ила и окислов, приведенные в божеский вид, стояли, обратив скорбные лица друг к другу. Выглядели они вполне мило, даже трогательно. Люся боялась, что будет хуже, а получилось очень даже неплохо.

Установкой Спящей дамы занимались два рабочих из пансионатского штата, тут же неподалеку, задумчиво пожевывая травинку, стоял Сандро. При появлении Люси он встрепенулся, расплылся в белозубой улыбке. Вот и хорошо, что улыбается, пусть Свирид посмотрит. Может, поймет, дубина стоеросовая, от какого счастья отказался.

Но, к огромному Люсиному огорчению, Свирид не смотрел ни на нее, ни на Сандро. Свирид не сводил взгляда с Дамы.

– Стоп! – В сонной тишине парка его голос показался вдруг громогласным. – Как вы ее ставите?

– Да так и ставим, как нужно. – Один из строителей стянул с головы грязную бандану, протер мокрое от жары и напряжения лицо. – А что не так-то?

– Все не так. Вы ее устанавливаете лицом к дому, а нужно лицом к пруду.

– С чего бы это? – удивилась Люся. – Ангелы смотрят друг на друга, а Дама смотрит на Ангелов. Логично?

– Может, и логично, но недостоверно, – Свирид покачал головой. – В архивных документах сказано, что изначально все было не так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.